

Сергей Иванов

Между Первой и Второй... (1919 - 1939 гг)

ВВЕДЕНИЕ

Представленную работу автор относит к жанру исторической журналистики, которая как и историческая наука имеет целью изучение, понимание и интерпретацию прошедших исторических событий и смысла процессов. В то же время эти два подхода к формированию картины мира конкретного периода отличаются как по цели, так и по методам ее достижения.

Историческая журналистика ориентирована в основном на широкую аудиторию путем создания повествования (нарратива) с включением элементов оценочных суждений, то есть не придерживаясь академического дискурса. С другой стороны научное историческое исследование состоит из тщательного анализа источников, описания и объяснения смыслов, фаз и характеристик исторических процессов и событий в определенный период прошлого. Очевидным является различие в стиле и методологии письма: журналисты используют искусно созданную прозу, фигуры речи, оценочные суждения и произведения искусства, например, карикатуры соответствующего исторического периода.

Иными словами, историческая журналистика и профессиональная историческая работа включают в себя исследовательские и писательские навыки для установления фактов и событий и формирования из их основе повествования, различаясь при этом по своему подходу, аудитории, источникам, стилю написания и акценту на контексте и понимании.

Особое значение для исторической журналистики имеет современное звучание и оценок событий прошлого, влияющих на формирование достоверной картины мира современного человека. Мы являемся свидетелями радикального отличия картины мира в отношении причин, процессов и результатов Второй мировой войны. Взять хотя бы фотографии и видео встречи бойцов Красной Армии жителями освобожденных стран Европы и современные материалы по сносу памятников той эпохи.

В истории Второй мировой войны особое значение приобретает вопрос освещения событий ее начала. Интернет изобилует материалами, посвященными этой теме. Однако, большинство из них невозможно отнести ни к жанру исторической журналистики, ни, тем более, к научным исследованиям. Обычно делаются попытки

интерпретировать те или иные события в пропагандистском духе. Такие материалы влияют на принятие глобальных политических решений в различных странах.

Поэтому назрела необходимость журналистского изложения событий, приведших к Второй мировой войне, основываясь на документах и мемуарах с минимальным объемом оценочных суждений. Исходным содержательным вектором этой работы является утверждение многих историков, что Вторая мировая война является логичным продолжением Первой мировой войны, конкретнее ее результатов, закрепленных в Версальском договоре 1919 года. И, конечно, процессы этих 20 лет невозможно рассматривать без учета динамики событий, происходивших в различных странах на мировой арене.

Я бы сформулировал свою задачу как автора следующим образом. Я прочитал множество источников, имеющих отношение к указанной проблематике и решил представить свое видение, свой вариант картины мира в период между 1919 и 1939 годами. В жанре исторической журналистики.

Для того, чтобы понять сколь чудовищно выглядят попытки обвинить Советский Союз в начале Второй мировой войны нужно очень хорошо понимать исторические процессы предвоенного периода. Здесь важно установить точку временного отсчета. Пожалуй, будет верным начать с Версальского договора, которым была завершена Первая мировая война в период 1914-1918 гг.

Подписание Версальского договора

Здесь и на протяжении всего повествования сосредоточим внимание на поведении основных геополитических игроков на этой исторической арене: США, Англия, Франция и Германия, выводя за скобки союзников Германии (Болгария, Турция, Австро-Венгрия). Российской империи как союзницы Антанты (Россия, Великобритания и Франция) в этот момент уже не существовало.

Подписание Версальского договора

Создатели Версальской системы

В результате Версальского договора, который был подписан 28 июня 1919 года почти тремя десятками стран, Германия понесла огромные потери как на Европейском континенте, так и за его пределами: немцы потеряли рудную базу для металлургии и лучшие пахотные земли. Новая территория Германии представлена на этой карте.

Колонии Германии в Африке и Океании перешли Великобритании, Франции, Бельгии и Японии. Кроме того, Германия лишалась права контролировать Саарский угольный бассейн, обязывалась к уплате репараций на сумму 132 млн. золотых марок. Наконец (и это крайне важно), Германии запрещалось вооружаться, а численность армии не должна была превышать 100 тыс. человек. Версальский договор был расценен немцами как унижительный и кабальный; наибольшее раздражение вызывало то, что виновницей начала Первой мировой войны была объявлена только Германия.

Но, повторяю, нас интересуют позиции ведущих игроков: США, Великобритании и Франции, что очень важно для дальнейшего изложения. Важно понять, что намечалась большая геополитическая игра, в которой каждый из игроков преследовал свои цели. США вначале соблюдали относительный нейтралитет по отношению к европейским делам, однако после сменили свою позицию путем инвестирования капитала в экономику Германии. В соответствии с планом Дауэса (1924 год) США предоставляли Германии кредиты, казалось бы, для экономического равновесия на европейском континенте, но, на деле - для контроля над немецкими компаниями, в результате чего немецкая экономика смогла восстановиться в короткие сроки.

Специально, чтобы не обвинили в предвзятости, напомним, что Российская Федерация (Советский Союз был создан в 1922 году) также не осталась в стороне от оказания помощи Германии. РСФСР не подписывала Версальский договор и это позволило ей заключить в 1922 году Раппальский договор с Германией. По этому договору между Рейхсвером и Красной Армией было подписано секретное соглашение о сотрудничестве. Германии разрешили организацию в России объектов для испытания запрещенной Версальским договором военной техники и обучения военных кадров. Интерес РСФСР заключался в изучении немецкого военного опыта и в ознакомлении с современной военной техникой, в том числе, с авиационной. Кроме того, советское руководство надеялось на помощь Рейхсвера в привлечении немецких промышленников к восстановлению военного потенциала России. В результате такого взаимного интереса в Липецке был создан летный центр, просуществовавший до 1932 года. А в 1935 году в своем выступлении в Рейхстаге Гитлер объявил о восстановлении германской авиации.

Гитлер демонстрирует покорность рейхсканцлера рейхспрезиденту Паулю фон Гинденбургу

С этого момента в немецком обществе стали происходить быстрые и неожиданные преобразования. На вопрос как могло случиться, что высококультурное общество, давшее миру великих мыслителей, впало в грех нацизма, американский психоаналитик немецкого происхождения, свидетель прихода нацистов к власти Эрик Фромм отвечает: *«...страх перед изоляцией, относительная слабость моральных принципов, социальная фрустрация и комплиментарное возвеличивание народа и расы со стороны государства становятся прочной основой укрепления нацизма в Германии»*. Всего за три года обнищавшее, раздерганное политическими распрями общество увидело в лице Гитлера своего фюрера, давшего им работу и, следовательно, надежды на будущее.

Захват Рейнской области.

Именно с этого момента, с 1933 года началась новая эпоха в большой политической игре на карте мира. Изложение последующих событий начну с мрачного пророчества французского маршала Фоша, яркого противника Советской России, внесшего значительный вклад в военное противоборство с ней, за что, между прочим, и приобрел титул маршала Польши. Ознакомившись с текстом Версальского договора,

он воскликнул: «Это не мир, это перемирие лет на двадцать!». Пророчество сбылось, и первые грозные раскаты прогремели в марте 1936 года. Германии хватило всего три года на то, чтобы Гитлер решился на этот шаг. На карте хорошо видна Рейнская область, отделявшая Германию от Франции, которая по Версальскому договору была объявлена демилитаризованной зоной. Ее территория включала в себя такие важные города, как Кельн, Ахен, Кобленц, Висбаден, Мангейм, Карлсруэ, и близко подходила к Франкфурту. По этому договору страны, его подписавшие, гарантировали неприкосновенность границ между Германией, Францией и Бельгией. Именно с захвата этой зоны и началась большая игра на просторах Евразии...

Вообще природный авантюризм Гитлера перешел в стадию активных действий именно в 1936 году. Причиной такой трансформации послужило нападение итальянского лидера Бенито Муссолини на Абиссинию в октябре 1935 года. Все основные геополитические игроки резко выразили свое возмущение этой акцией. Гитлер решил публично поддержать Муссолини, но ограничился только военными поставками, желая прощупать реакцию Англии и Франции. Убедившись, что эти страны фактически не осудили этот шаг фюрера, Гитлер перешел к решительным действиям на внешнеполитической арене. Для этого он, прежде всего, добился признания абсолютной преданности своего окружения, пригрозив в противном случае даже покончить с собой. И только после этого, Гитлер начал подготовку к занятию Рейнской зоны, дав название этой аванюре – «Зимнее упражнение». Поводом для вторжения был объявлен франко-советский договор, подписанный в мае 1935 года, что расценивалось Гитлером как нарушение Локарнского пакта 1925 года.

Это был «момент истины» для Гитлера как он сам признавался впоследствии: *«...я спрашивал себя: что сделает Франция? Выступит ли она против ввода нескольких моих батальонов? Я знаю, что я сделал бы на месте французов: ударил бы и не позволил ни единому немецкому солдату перейти через Рейн»*. Нападение было спланировано на субботу 7 марта 1936 года, что предотвращало быструю реакцию Английского правительства, которое на выходные выезжало из Лондона.

Немецкие войска переходят Рейн

Авантюра Гитлера удалась и его опасения не подтвердились. Премьер-министр Болдуин и министр иностранных дел Англии Иден, обсудив ситуацию, пришли к заключению, что *«...не может быть и речи о поддержке военной акции Франции, если она решится помешать Гитлеру установить контроль над Рейнской областью»*. Когда немецкие войска входили в Рейнскую область, Гитлер взволнованно объявил под бурные аплодисменты на заседании Рейхстага: *«В данный момент немецкие войска входят в Рейнскую область»*. Заметим, что командирам немецких батальонов был приказ немедленно отступить, если против них выступят французские войска. Наконец, приведем ответ начальника генерального штаба сухопутных войск Третьего рейха Гудериана на вопрос французского офицера во время допроса в 1945 году: *«Если бы вы, французы, вмешались в Рейнской области в 1936-м, мы бы проиграли все, и падение Гитлера было бы неизбежным»*.

Конечно, не может не возникнуть вопрос: а почему Франция не дала отпор гитлеровской аванюре? На мой взгляд тут сработали три фактора. Первый – общее нежелание воевать после ужасов первой мировой войны, второй – финансовые трудности в результате экономического кризиса, третий, и, наверное, важнейший, – позиция Англии.

Теперь понятно, что германская военщина была бы остановлена еще в 1936 году, если бы Франция и ее союзники, прежде всего, Англия, дали бы жесткий отпор авантюрной вылазке нацистов. Но этого не произошло, и перед Европой разверзлась бездна будущих страданий. Гитлер ликовал, - немцы увидели в нем некоего мессию. И больше фюрер не испытывал такого страха перед захватом новых территорий. Он знал, что его не будут останавливать. Впереди был аншлюс Австрии, захват Чехословакии, оккупация Франции и других европейских стран война с СССР.

Роль Польши.

Я намеренно не касался роли Польши в Рейнской авантюре Гитлера. Теперь рассмотрим этот вопрос подробнее. Это, собственно, даже и не вопрос, там все предельно ясно. В 30-е годы Германия заключала много договоров о ненападении с разными странами. Но первой в этом списке была именно Польша. Напомним, что по Версальскому договору Польша обрела возможность стать полноценным государством после долгих лет зависимости и разделов. Стремление стать одним из игроков на внешнеполитической арене, плюс старые амбиции, заключающиеся в лозунге «Польша – от моря до моря», в смысле от Балтийского до Черного, плюс враждебное отношение к Советской России, особенно после победоносной войны 1920 года, плюс историческая настороженность в отношении Германии определило основные контуры внешней политики Польши. Но более крупные игроки на европейском континенте не рассматривали Польшу в качестве субъекта внешнеполитической игры.

Находясь в окружении двух набирающих силу соседей, Польша предприняла попытки наладить с ними более или менее нормальные отношения. В результате сложных дипломатических манипуляций Польша все же инициировала подписание в 1932 году договора о ненападении с Советским Союзом. Описание этого процесса заняло бы много места, потому лучше я дам ссылку на достаточно полное изложение и анализ тех событий <http://www.katyn-books.ru/library/sovetsko-polskie-otnosheniya-1931-1935-2.html>.

Здесь важно понять глубинное отношение как Польши, так и других европейских стран к СССР: они еще не знали что такое фашизм образца сороковых годов, но хорошо представляли реальную опасность социальных революций, учитывая привлекательность на то время Советского Союза в умах пролетарских слоев. Поэтому, устанавливая отношения с Советским Союзом, Польша втайне надеялась на военно-политическое сотрудничество с Германией и как союзника против

большевистской угрозы, и в деле пересмотра границ, установленных Версальским договором.

После прихода к власти нацистской партии положение стало резко меняться в сторону сближения Польши и Германии. Еще в октябре 1933 года Гитлер объявил, что Германия требует равноправия в вооружениях с другими странами и в знак протеста покидает конференцию по разоружению и выходит из Лиги Наций, что было расценено в европейских столицах как шаг к войне.

Для справки. *Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. В период с 28 сентября 1934 года по 23 февраля 1935 года в Лигу Наций входило максимальное количество государств — 58.*

Франция возобновила переговоры с Москвой о заключении пакта о взаимопомощи, вследствие чего Германия могла оказаться в международной изоляции. Именно это и стало, на мой взгляд, одним из основных факторов стремления Германии завязать далекоидущие отношения с Польшей. Уже через месяц после демарша Гитлера в Лиге Наций рейхсканцлер встретился с послом Польши Юзефом Липским, после чего был начат процесс подготовки к заключению договора о ненападении. И, заметим, между прочим, что еще в феврале 1933 года Геринг, политический уполномоченный представитель Гитлера в беседе с послом Франции в Берлине Франсуа Понсе изложил следующий план: Польша заключает военный союз с Германией против СССР, возвращает польский коридор и Данциг, но взамен получает часть Украины с выходом к Чёрному морю. Париж подобные идеи отверг и известил о предложении Геринга Москву. Польша фактически разорвала отношения с Францией в пользу Германии.

Короче говоря, каждое государство того периода (впрочем, и сегодня мало что изменилось) решало две задачи: первая — стабилизировать международные отношения, в первую очередь, с соседями, вторая — постараться стать полноправным партнером на европейской арене или даже добиться преимуществ, например, в виде территориальных приобретений.

Подписав Декларацию о неприменении силы, Варшава де-факто помогла Германии выйти из политической изоляции, что стало одним из первых внешнеполитических успехов немецкого правительства под руководством Гитлера. Нормализация отношений с Польшей позволяла германскому фюреру действовать на Западе (Саар, Рурская область) и наращивать вооружение без опасения за свои восточные границы.

Об уровне сближения Польши и Германии можно судить по организации похорон маршала Пилсудского, скончавшегося в мае 1935 года.

Геринг на похоронах Пилсудского в Варшаве

Гитлер в посольстве Польши в Берлине

Антикоминтеровский пакт и смена курса Запада

Между захватом Рейнской области (1936 год) и активной фазой начала захвата территорий в странах восточной Европы (1938 год) лежало два года, события в которых определили дальнейшую судьбу всего мира. Чуть раньше рейнской авантюры, еще в феврале 1936 года к власти в Испании пришли левые республиканцы, после чего националисты начали подготовку к вооруженному восстанию против республики. Прежде всего, они обратились к Гитлеру и Муссолини, которые обещали конкретную помощь мятежникам в виде вооружения. Вооруженный мятеж испанских фашистов во главе с генералом Франко начался 17 июля 1936 год. В вооруженный конфликт вмешались на стороне республиканцев Советский Союз и Коминтерн, - в Мадрид были направлены военные и политические советники.

Для справки. *Коминтерн - международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 1919—1943 годах. По формулировке Ленина — «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах».*

В августе того же года в Лондоне был подписан международный Пакт «О невмешательстве», что давало надежду на победу республиканцев. Однако Германия и Италия начали поставку в Испанию материальной и военной помощи. В ответ на это в сентябре 1936 года Советское руководство приняло решение об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов. А с октября того же года Советский Союз начал официально помогать правительству Испании оружием, военной техникой и военспецами.

Иностранные военные поставки в Испанию

	Люди	Самолеты	Танки	Броневики	Орудия
	Националисты				
Германия	226 500	<u>650</u>	<u>200</u>		700
Италия	880 000	<u>1000</u>	<u>150</u>	<u>16</u>	2000
	Республиканцы				
СССР	3 000	<u>800</u>	<u>350</u>	<u>120</u>	1500
Другие страны	35 000				

Именно эти события привели к заключению в ноябре 1936 года Антикоминтерновского пакта, инициаторами которого стали Германия и Япония.

Подписание антикоминтерновского пакта

Япония быстро вооружалась: в августе 1936 года правительство провозгласило трехкратное увеличение военных расходов на 1937 год. Пятью годами раньше Япония ввела квантунскую армию на территории Маньчжурии, создав там марионеточное государственное образование Маньчжоу-Го (滿州郭). Началось противостояние между Японией, Китаем и Монголией. Впереди были события на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, о которых речь пойдет дальше. **Причем эти события имеют непосредственное отношение к подписанию пакта Молотова-Риббентропа.**

Государство Маньчжоу-го

Антикоминтерновский пакт фактически создавал платформу для совместных действий против коммунистической идеологии, а фактически против Советского Союза. Тогдашний министр иностранных дел Японии Хатиноэ Ариэ заявил: *«Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией»*. Позже к антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и после поражения республиканцев Испания. Для Советского правительства это означало, что, во-первых, фашизм перестает быть внутренним делом Германии, а, во-вторых, - возможность войны на два фронта. Нужно было думать уже не только о мировой революции, но и о собственной безопасности.

1937 ГОД – ПОВОРОТ К ВОЙНЕ

Германия

В 1937 году произошли события, в результате которых мир окончательно повернул в сторону войны. Ещё до прихода к власти, летом 1932 года, Гитлер на совещании озвучил план создания германской «расовой империи», призванной господствовать над Европой и миром. *«Мы никогда не добьёмся мирового господства, — говорил он, — если в центре нашего развития не будет создано мощное, твёрдое как сталь, ядро из 80 или 100 миллионов немцев»*. Кроме Германии в это «ядро» включались Австрия, Чехословакия, часть Польши. Вокруг этого «фундамента великой Германии» должен был лежать пояс малых и средних вассальных государств: Прибалтика, Польша, Финляндия.

За четыре года власти Гитлера и нацистской партии Германия, что называется, «встала с колен». Гитлер, эксплуатируя идеи реваншизма, добился впечатляющих успехов в социально-экономической сфере. Исчезла безработица: если в 1932 году безработных было шесть миллионов, то к 1938 году в результате перехода промышленности на военные рельсы, обнаружился дефицит рабочих рук. Между прочим, нацистские лидеры указывали, что на решение проблемы безработицы у Советской России ушло 14 лет, а Германия справилась за четыре года.

Арнольд Уилсон, член английского парламента, посещавший Германию тех времен писал: *«Приятно наблюдать физическое состояние немецкой молодежи. Даже самые бедные одеты лучше, чем раньше, а их веселые лица свидетельствуют о психологическом комфорте»*. Вообще Гитлер того периода приобрел множество сторонников и даже почитателей за пределами Германии. Может быть самой впечатляющей историей в этом плане является эпизод с британским королем Эдуардом VIII. В 1936 году он отрекся от престола, чтобы жениться на американке Уоллис Симпсон.

Эдуард VIII и Уоллис Симпсон

А после свадьбы, состоявшейся в 1937 году, чета отправилась в Германию, где молодожены были приглашены на ужин с Гитлером и его ближайшим окружением. Более того, Гитлер планировал после войны сделать Эдуарда главой фашистской Британии. И он был не одинок, В самой Англии, да и в других странах Европы и Америки многие представители элиты и простого народа стали яркими сторонниками Гитлера и его реформ.

Еще не было лагерей смерти и газовых камер. Отрезвление пришло позже.

Однако вернемся к нашей основной теме, сошлемся на мнение американского историка Дж. Феста, признававшего: *«Режим настоял, чтобы не было диктата одного социального класса над другими, необходимо предоставлять всем классам возможность совершенствоваться, это фактически продемонстрировало классовый нейтралитет нацистов... Эти меры действительно были прорывом в сравнении со старыми социальными структурами. Они ощутимо улучшили материальное положение большей части населения».*

И тогда наступила очередь подготовки нации к исторической миссии, цель которой была изложена в книге Гитлера «Моя борьба». Весной 1937 года Гитлер выступил на церемонии открытия элитарной партийной школы в Фогельзанге и завершил ее призывом к всеобщему перевооружению страны: *«Я хочу, чтобы немецкий народ стал самым сильным в Европе! Мы напишем последнюю главу в*

немецкой истории!» Подготовка коснулась и образования: нацистам были нужны молодые люди, слепо преданные фюреру для реализации его идей. Упор делался на физическую культуру, расовую биологию, немецкую историю и литературу. Один из нацистских педагогов того времени писал: «Мы не желаем воспитывать своих детей для того, чтобы из них получались хилые ученые. Поэтому я заявляю: лучше иметь на десять килограммов меньше знаний и на десять калорий больше характера».

Важной вехой в истории предвоенных событий стала встреча двух диктаторов: Гитлера и Муссолини. Муссолини, осознавая себя основоположником фашизма и продолжателем дела Римской империи, ехал на встречу с чувством превосходства над человеком, за которым не было истории, который был не женат и не имел детей. Но помпезная встреча его Гитлером, демонстрация военной мощи и колоссальная поддержка народа произвели такое впечатление на Муссолини, что он уезжал как младший партнер фюрера. В своей ответной речи на олимпийском стадионе Муссолини прокричал:» *«У меня есть друг, и я пойду с ним до конца!»* Итогом бесед Гитлера и Муссолини стала договоренность развивать дружественные отношения с Японией, поддерживать Франко и обуздывать амбиции Франции и Англии.

На фоне такого эмоционального подъема у Гитлера и нацистской верхушки окончательно сформировалась идея расширения жизненного пространства Германии: концепция войны в основных своих чертах была готова. Она была озвучена Гитлером 5 ноября 1937 года на совещании политических и военных руководителей:

1. сначала ликвидация «буферных» государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в целях улучшения стратегических и экономических позиций Германии для борьбы против главных противников в Европе — СССР и Франции, а также Великобритании;

2. нанесение первого удара на западе с целью разгрома Франции, вывода из войны Великобритании, занятия всей Западной Европы, чтобы создать решающие стратегические и экономические предпосылки для сокрушения Советского Союза;

3. разгром Советского Союза как важнейшее условие установления полного господства фашистской Германии в Европе и последующей борьбы за мировое господство.

Именно на этом совещании было принято решение о захвате Австрии и Чехословакии как о первоочередной задаче, проанализирована международная реакция на эти действия и высказана уверенность в том, что Англия, а, следовательно, и Франция не решатся выступить против Германии. Со стороны Италии Германия не ожидала никаких возражений против устранения Чехословакии.

Тогда же была сформирована уверенность, что Польша, имея с востока Россию, вряд ли будет склонна вступить в войну против Германии, а военное вмешательство России можно предотвратить быстрым вводом германских войск. Оно вообще является более чем сомнительным ввиду позиции Японии.

Надо сказать, что осенью 1937 года Гитлеру еще могли возражать, опасаясь быстрой реакции Франции и Англии: сомнения высказывали и генералы, и даже министр иностранных дел фон Нейрат. Но Гитлер был верен своему стилю: принимать такие решения, которых не ожидали даже в ближайшем окружении. Он мистически верил в свое предназначение и его прогноз оказался верным.

Советский Союз в 1937 году

Этот год известен во всем мире как год «большого террора» в СССР. Причина его до сих пор исследуются историками и политиками. Но в каждом таком исследовании обязательными являются два фактора: внутривластная борьба за власть и массовые чистки как подготовка к войне. Поводом для начала репрессий послужило убийство С.М. Кирова, главы Ленинградской партийной организации. Политическим обоснованием репрессий, в результате которых только за два года было расстреляно 700 000 человек, стали решения февральско-мартовского партийного пленума 1937 года. Но и его участники были репрессированы: из 72 человек, выступивших на пленуме, были расстреляны 52 человека. Репрессиям был подвергнут и командный состав Красной Армии: только в 1937 году было репрессировано более 11 000 командиров. С 14 по 29 мая 1937 года были арестованы и расстреляны представители высшего командного состава Красной Армии: М. Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич и другие. На их места пришли новые лица, но общий страх перед возможными репрессиями сковывал их инициативу в деле реформирования и перевооружения армии. Прекратились споры и дискуссии по стратегическим вопросам: теперь решения принимал только Сталин. Здесь можно вспомнить о том, что аналогичные события происходили и в Германии в 1934 году, когда Гитлер в результате внутрипартийного конфликта физически уничтожил верхушку штурмовиков СА, а их лидера и конкурента фюрера Эрнста Рема расстреляли в тюрьме. В результате событий одной ночи, с 29 на 30 июня Гитлер захватил абсолютную власть в Германии.

В том же 1937 году были разгромлены руководящие органы НКВД и внешней разведки. По оценкам историков в 1937–1938 годах из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранаппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава. Это привело к тому, что многие ценные агенты были либо

вызваны в Москву, расстреляны или сосланы, либо были лишены возможности связи с центром.

Репрессии коснулись и Народного комиссариата иностранных дел. В течение 1937–1938 гг. были арестованы, осуждены и расстреляны многие ведущие советские дипломаты. Среди них полномочные представители с огромным опытом работы, в основном еще ленинско-чичеринской школы.

В тревожной обстановке начинался 1938 год, полный драматических событий, приведших ко второй мировой войне. Часовой механизм ее начала был запущен.

1938 ГОД. АНШЛЮС АВСТРИИ И ЗАХВАТ ЧЕХОСЛОВКИИ

В марте 1938 года Гитлер начал движение на Восток с присоединения (аншлюс) Австрии. Нацистская верхушка называла эту агрессию «семейным делом». Эта акция далась Гитлеру несравненно легче, чем захват Рейнской области два года назад. Теперь фюрер не сомневался в невмешательстве ведущих европейских стран. Через год относительно легко была решена проблема Данцигского коридора, разделявшего основную часть Германии с Кёнигсбергом и Восточной Пруссией.

Еще в ноябре 1937 года была подписана польско-германская декларация о национальных меньшинствах. Гитлер заверил поляков в том, что Данциг не является предметом разногласий для Германии. В январе 1938 года фюрер в присутствии министра иностранных дел Германии фон Нейрата и его польского коллеги Ю. Бека подтвердил данные обещания. Правда, через месяц фон Нейрата сменил Иоахим фон Риббентроп, уже слепо следовавший указаниям фюрера. Теперь, не опасаясь Англии и Франции, обеспечив нейтралитет Польши, Гитлер мог приступить к аншлюсу Австрии. Началась идеологическая обработка австрийских политиков.

Австрия как самостоятельное государство возникло на развалинах габсбургской монархии в ноябре 1918 года. В течение многих лет Австрия пыталась обозначить свою идентичность: в результате победы в Германии национал-социалистов проблема самоидентификации австрийцев резко обострилась. Канцлер Австрии Э. Дольфус, избранный в 1932 году, приобрел диктаторские полномочия, преследуя как коммунистов, так и фашистов. Занимая антигерманские позиции, он одновременно ориентировался на Италию и лично на Муссолини. Дольфус был ярким противником аншлюса, идея которого уже витала в воздухе. Такой человек не устраивал Гитлера, вследствие чего в июле 1934 года группа австрийских фашистов ворвалась в канцелярию Дольфуса, серьезно ранила его, и потребовали отставки. Он отказался и тогда нападавшие лишили его медицинской помощи, и он через несколько часов умер.

(Как тут не сравнить с поведением Януковича). Тогда, получив известие о путче, Муссолини двинул свои войска к границе Австрии, мятежники были вынуждены сдаться. Германия не только промолчала, но даже выразила соболезнование австрийскому правительству по поводу трагедии. А планировалось совсем другое – захват Вены и Австрии. Подготовленным частям СС, уже направлявшимся к границе Австрии, был дан приказ возвращаться обратно, а Геббельс быстро ликвидировал подготовленную пропагандистскую литературу об «успешном изменении системы в Австрии». А потом ситуация изменилась, Италия была поглощена войной в Испании, затем она сблизилась с Германией на основе антикоминтерновского пакта в 1936 году, и Австрия в результате фактически осталась без союзников.

А следующий австрийский канцлер Курт Шушниг проводил уже совсем другую политику, декларируя Австрию как «второе немецкое государство», после чего Германия признала независимость Австрии. Но и это не спасло канцлера. В феврале 1938 года Шушнига пригласили в резиденцию Гитлера в Альпах на переговоры. Там Гитлер, уже не скрывая своих намерений, прямо обвинил Австрию в том, что она не сделала ничего, чтобы помочь рейху. В результате многочасового фактически монолога, Гитлер заставил Шушнига амнистировать всех нацистских заключенных, предоставить нацистской партии равные права и, самое главное, ввести нацистов в состав кабинета министров. Шушниг еще пытался сопротивляться, 9 марта он объявил о проведении плебисцита по вопросу о независимости. И сразу стало очевидно, что Австрия не намерена бороться: в столице начались манифестации нацистов, а на совещании высших командиров армии Шушниг не получил никакой поддержки и подал в отставку. Судьба Австрии была решена: 11 марта немецкие войска перешли границу с Австрией. Перед переходом границы немецкую военную технику украсили флажками и зеленью, придав ей максимально мирный характер. Население и австрийские войска с искренним восторгом встречали немецкие войска и лично Гитлера. 15 марта на площади Героев свыше полумиллиона человек восторженно встречали фюрера, который с балкона произнес речь, закончив ее словами: *«Возвещаю немецкому народу о возвращении моей австрийской родины в Великогерманский рейх»*. Рейх получил семь миллионов человек, и шесть бригад влились в состав вермахта. Процесс объединения всех немцев в единое государство, разделенное Версальским договором, продолжился.

Кортеж Гитлера на улицах Вены

Выступление Гитлера в Вене

И только евреи, составлявшие, в частности, в Вене около 10 процентов населения, были в ужасе. Буквально за несколько дней все крупные магазины и мелкие лавочки были конфискованы. Опустели и были быстро заняты принадлежавшие евреям 70 тысяч квартир и домов. Летом 1938 года все паспорта евреев были снабжены специальными штампами – начальной буквой слова Jude – еврей. Вывески на их магазинах должны были быть только на еврейском языке. К ноябрю 1938 года евреи

были повсеместно изгнаны из школ, ВУЗов, лишены возможности заниматься свободными профессиями и медициной. Евреи были отторгнуты от любой экономической и духовной деятельности.

Венских евреев заставляют мыть улицы зубными щетками под улюлюкание толпы

Остается только добавить, что попытки Шушнига найти поддержку в странах западной демократии, не увенчались успехом. Франция обратилась к Англии и Италии с предложением провести консультации, но те решили не вмешиваться. Министр иностранных дел Англии Галифакс заявил, что *«британское правительство не может взять на себя ответственность советовать канцлеру какие-либо действия, которые могут принести его стране опасности, против которых британское правительство не в состоянии гарантировать защиту»*, Его итальянский коллега Чиано вообще отверг идею совместного демарша Англии, Франции и Италии в Берлине.

Впереди был Мюнхен....

Мюнхенская драма 1938 года

Адольф Гитлер последовательно добивался воссоздания Германии путем объединения всех немцев, разделенных Версальским договором. Уже была в составе Германии Рейнская область и Австрия. На очереди были Судеты (Чехословакия) и Данцигский коридор (Польша) (см. карту). А вот теперь в связи с особой ролью Мюнхенского сговора (или соглашения, по версии Запада) рассмотрим повнимательней его участников, их цели, намерения, ресурсы и возможности. Итак, назовем этих основных игроков: Великобритания, Франция, Италия, США и Германия. Игроки помельче - страны так называемой Малой Антанты: Чехословакия, Румыния

и Югославия. Малая Антанта была создана в 1920 году как важный элемент противодействия попыткам возрождения Австро-Венгерской империи. В 1933 году ее деятельность резко активизировалась в связи с заключением ведущими странами Европы (Великобританией, Италией, Францией и Германией) так называемого «пакта четырех». По своей сути этот пакт создавал условия для пересмотра положения Версальского договора. Страны Малой Антанты и примкнувшая к ним Польша сочли намерения больших игроков опасными для себя и забеспокоились. Но, несмотря на то, что «пакт четырех» не был подписан, причиной чему был демонстративный уход Германии с Женевской конференции по разоружению и последующий выход из Лиги наций, недоверие малых игроков в отношении намерений больших игроков осталось. Пакт четырех не ратифицировала Франция, которая принялась проводить хоть какую-то политику противодействия агрессивным намерениям Германии.

Но и внутри Малой Антанты не было единства: на совещании в югославском городке Блед возникли противоречия между ее членами, которые привели к фактической изоляции Чехословакии. Теперь ее независимость полностью зависела от позиции Англии, Франции и Советского Союза.

Теперь в центре внимания больших и малых игроков оказалась Чехословакия, а конкретнее, территория, на которой проживали судетские немцы. Судеты по Версальскому договору были переданы Чехословакии. В 1938 году из 14 миллионов человек населения страны 3,5 миллиона - это этнические немцы, из которых 2,8 миллиона компактно проживали в Судетской области и еще 700 тысяч - на территории Словакии и Закарпатской Украины. Там была сосредоточена мощная промышленность, включая военные заводы, там была сооружена линия укреплений, защищавшая Чехословакию. Судетские немцы были организованы в партию, возглавляемую Конрадом Генлейном. Гитлер еще за три года до известных событий тайно финансировал ее деятельность, дожидаясь своего часа. И он наступил.

Сразу же после австрийского триумфа, в конце марта 1938 года Гитлер и Гейнлейн начали готовить программу создания Судетской автономии. Но Чехословакия не была похожа на Австрию, - там не было условий для безконфликтного слияния с Германией. И тогда лидеры судетских немцев спровоцировали волну насилия со стороны чехов. В Германии, естественно, газеты подняли шум о притеснении национальных меньшинств. Уже через месяц, в конце апреля Генлейн выдвинул требования широкой автономии, а после того, как чехословацкое руководство стало сдавать свои позиции, потребовал передачи области Германии.

И Гитлер вновь оказался перед выбором. С одной стороны, он еще со времен своей жизни в Австрии ненавидел чехов, Чехословакию же он рассматривал как несчастное дитя ненавистного Версальского мира, кроме того, он разделял точку зрения Бисмарка о том, что владеющий Судетами имеет ключи от господства над Центральной Европой. Но с другой стороны он опасался недвусмысленной реакции Англии, Франции и Советского Союза, с которыми у Чехословакии были подписаны договора о взаимопомощи. Поэтому он постарался сделать ближайших соседей Чехословакии Польшу и Венгрию своими «подельниками». Венгерскому лидеру регенту Хорти Гитлер прямо заявил: «Хочешь есть – помогай готовить». С Польшей было еще проще. Посол Чехословакии в Берлине Ю. Липский заявлял, что руководство Польши не думает, что эта страна (Чехословакия) «в состоянии существовать». И у Венгрии и у Польши были свои территориальные претензии к Чехословакии, поскольку там проживали и венгры и поляки.

Здесь нужно особо подчеркнуть, что действия малых государств по отношению к своим соотечественникам базировались на принципе национальности и самоопределения, положенного в основу послеверсальского мироустройства.

Руководство Советского Союза внимательно наблюдала за происходящим в Европе. Министр иностранных дел СССР М.М. Литвинов, сторонник сотрудничества с Англией, в беседе с немецким послом фон Шуленбургом высказал позицию Советского правительства: «... дело дойдет до войны, Германия совершенно очевидно

явится агрессором, совершившим неспровоцированное нападение... Советский Союз обещал Чехословакии помощь; он сдержит свое слово и сделает все, что в его силах». Заметим, что беседа состоялась 22 августа 1938 года, накануне сдачи Чехословакии. 2 сентября Литвинов телеграфировал советскому полпреду в Праге С. Александровскому: *"...при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии".*

В отношении Англии и Франции Гитлер, основываясь на донесениях немецкой разведки, был уверен, что они не будут вмешиваться. Опасность исходила только от Советского Союза, у которого с Чехословакией, как уже было сказано, действовал договор о взаимопомощи.

А вот с этого момента поподробнее. Теперь нужно рассматривать события по дням (позднее, в сентябре 1939 года – даже по часам). Более того, я намерен приводить высказывания и оценки исключительно западных политиков того времени. Итак.

12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге Адольф Гитлер сделал заявление в отношении судьбы судетских немцев: *«Чешское государство пытается их уничтожить. Я обращаюсь к представителям западных демократий: мы озабочены положением судетских немцев. Если этим людям откажут в справедливости и помощи, они получают и то и другое от нас. Немцев в Судетах есть кому защитить! Я сторонник мира, но в этой ситуации я не стану колебаться».*

13 сентября, то есть буквально на следующий день в Судетах вспыхнул мятеж, в ответ на который чехословацкое правительство во главе с президентом Эдвардом Бенешем ввели в Судетах военное положение. Лидер судетских немцев Генлейн бежал в Германию.

14 сентября, Получив известия о событиях в Чехословакии, премьер-министр Англии принимает решение лететь в Германию на переговоры с Гитлером. Страх перед возможной войной пересилил страх перед полетом на самолете – это был его первый вылет.

15 сентября. Переговоры Чемберлена с Гитлером состоялись в его горной резиденции, Английскому премьер-министру удалось добиться от Гитлера только туманное обещание не начинать войну если спор решится в пользу принципа права народов на самоопределение. Шлагбаум на пути к расчленению Чехословакии был поднят.

18 сентября. В Лондоне Н. Чемберлен, премьер-министр Э. Даладье и министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ приняли решение о совместном обращении к правительству Чехословакии по судетскому вопросу.

19 сентября. Послы Великобритании и Франции вручили Э. Бенешу совместный ультиматум, суть которого состояла в том, что Чехословакия должна удовлетворить желание Гитлера о передаче Судетской области Германии. Президент Бенеш был просто шокирован таким отношением со стороны, казалось бы, союзников.

А вот с этого момента не только поподробнее, а буквально по часам.

В тот же день Бенеш, почувствовав перспективу остаться в одиночестве перед агрессором, в 17-30 имел часовую беседу с послом С.С. Александровским, через которого обратился к Советскому правительству с телеграммой, в которой было два вопроса:

«1) Что сделает СССР, если Франция выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией?

2) Как поведет себя СССР, если Чехословакия будет настаивать на своем сопротивлении Германии даже в случае отказа Франции от своих обязательств?» [8]

20 сентября. Утром телеграмма была получена заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным, поскольку сам нарком М.М. Литвинов был в Женеве, где он должен был выступать на следующий день в Лиге Наций с речью в защиту Чехословакии. В кратчайшие сроки телеграмма с предложенными ответами были доставлены лично Сталину. Вопросы Бенеша обсуждались в течение трех с половиной часов (14.15 до 17.45) на Политбюро, которое в результате постановило направить послу Александровскому такой ответ:

1) На вопрос Бенеша о том, окажет ли Советский Союз немедленную и реальную помощь Чехословакии, если Франция остается ей верной и тоже окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2) Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, – поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги Наций на основании ст. ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3) Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство».

Весь день Чехословакия бурлила. Члены правительства высказывали разные точки зрения. Министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта приводил слова наркоминдела М.М. Литвинова: *«СССР готов прийти на помощь даже в случае, если Франция не выполнит свои обязательства, но Чехословакии необходимо потребовать решение Лиги Наций, которое бы четко обозначило агрессора. Иначе в случае оказания помощи агрессором признают СССР»*.

Дебаты перенеслись на улицу, большинство политических партий и, прежде всего, коммунисты обратились к президенту Бенешу с воззванием: *«Господин президент, сейчас от Вас зависит, сдадимся ли мы... Капитуляция означает моральное и политическое крушение на поколения вперед. Мы бы не оправились от этого. Возьмем ли мы на себя риск войны... Повсюду есть люди, которые будут стоять за Вас и идти с Вами до конца. ...мы предпочитаем худший риск войны, нежели позорную капитуляцию, которая уничтожит в нас все чешское, сильное и решительное»*.

А генеральный штаб Чехословацкой армии и ряд членов правительства уже склонялись к принятию ультиматума.

Вечером, в 19.45 К. Крофта передал послам Великобритании и Франции ответ руководства страны на англо-французскую ноту от 19 сентября, в которой англо-французские предложения были отклонены. Правда, это не совсем точно. На самом деле, в тексте говорилось, что правительство не может принять англо-французский план, но вместе с тем в нем высоко оценивались предлагаемые гарантии и выдвигалась идея решить спор с Германией посредством арбитража. Но даже такой ответ был отвергнут: британский посол Б. Ньютон сказал, что это не тот ответ, который ожидает Англия. Он потребовал немедленной встречи с министром Крофтой, которому заявил, что если Н. Чемберлену придется на следующий день лететь к Гитлеру без положительного ответа, то это приведет к катастрофе. Он прямо высказался, что *«...если дело дойдет до войны, Англия утратит всякий интерес к Чехословакии»*.

В тот же вечер в 20.00 был получен ответ Советского правительства с решением о готовности помощи Чехословакии. И в тот же вечер в 23.00 Лондон получил телеграмму своего посла Б. Ньютона об отказе Чехословакии. Вот ее текст: *«У меня есть все основания считать ответ правительства не окончательным. Правительство следует заставить принять решение. Если я смогу вручить в среду Э. Бенешу нечто вроде ультиматума, он и его правительство будут вынуждены склониться перед высшей силой. Чешское правительство должно дать согласие без всяких оговорок, иначе правительство его величества утратит интерес к судьбе этой страны. Я знаю, что мой французский коллега телеграфировал в Париж в этом же смысле»*.

Но в этот же самый день произошло еще одно событие. Польша и Венгрия тоже высказали свои претензии Чехословакии в отношении национальных меньшинств. Мол, раз такие преференции немцам в Судетах, то почему должны страдать поляки в Тешинской области и венгры в Словакии?

21 сентября. Измотанные событиями предыдущего дня чехословацкие политики не спали вторую ночь. Можно представить их состояние. В 2.00 послы Великобритании и Франции предоставили правительству Чехословакии свой вердикт, смысл которого сводился к следующему: *«...если Чехословакия не подчинится, то Германия начнет наступление, а обе державы останутся в стороне. А в случае отказа уступить Судетскую область Германии - Париж и Лондон откажутся признать Чехословакию жертвой агрессии, со всеми вытекающими последствиями».*

К тому времени Бенеш и его окружение знало об ответе Советского правительства. Вот в эту ночь и наступил момент истины. Бенеш еще пытался заручиться какими-то гарантиями, но послы Великобритании и Франции в форме ультиматума заявили, что предложения необходимо принять без всяких условий, и только после полного и ясного согласия можно обсудить детали. Более того, послы недвусмысленно дали понять, что в случае совместного выступления Чехословакии и СССР борьба с ними может принять характер "крестового похода" против большевиков и тогда Англии и Франции трудно будет остаться в стороне от нее.

А вот тут помедленнее и повнимательней. В процессе этого разговора Бенеш заявил буквально следующее: *«Я прошу заверить ваши правительства в том, что я всегда действовал с полным сознанием ответственности и никогда не допускал даже мысли о войне. Я никогда не собирался принуждать Англию и Францию вступить в войну и поэтому хочу объяснить свою позицию, так как подобные подозрения уже высказывались. Я никогда не придерживался доктринерских взглядов во время имевших место неприятных дискуссий и переговоров. Я не слушался Советского правительства, от которого умышленно держался в стороне, не опирался на его поддержку и не считался с его пожеланиями во время своих переговоров».* Каково?

Встреча с послами длилась более полутора часов и закончилась в 3.45. А в 4.00 началось заседание Политического комитета Чехословацкой республики (достаточно узкий круг политиков высшего ранга), на котором Бенеш уже фактически защищал положения англо-французского ультиматума. Ему напомнили, что решение о пересмотре границ должен принимать Парламент, но на это уже не было ни времени, ни желания. Высшее руководство Чехословакии знало, что ни Парламент, ни «улица» не согласятся на капитуляцию.

Заседание правительства началось в 6.00. Снова обсуждение, снова споры, несбывшиеся надежды на Францию, отчаяние, даже слезы. И вот тут очень интересный момент. Создается впечатление, что чехословацким политикам (и президенту Бенешу и премьеру Годже) стало выгодно называть демарш Англии и Франции ультиматумом. Так было легче объяснять Парламенту и широким массам вынужденную уступчивость.

Много еще чего было сказано на этом заседании правительства. Продолжалось оно не более часа, но окончательное решение о капитуляции было принято только к концу дня 21 сентября. Однако в пять часов вечера в среду 21-го сентября 1938 года громкоговорители на пражских улицах сообщали людям, что правительство Чехословакии под давлением Великобритании и Франции согласилось на изменение государственных границ. И «улица» забурилась.

Выше было сказано, что нарком М.М. Литвинов в эти дни находился в Женеве. Он выступил в Лиге Наций и предложил срочно созвать совещание европейских держав и других заинтересованных государств с целью выработки коллективных мер и вынести чехословацкий вопрос на обсуждение организации. Он резко заявил: *«Не наша вина, если не было дано хода нашим предложениям, которые, я убежден, могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели — и не могли не привести — к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия».*

Так закончились эти сутки, полные драматизма, отчаяния и страха. Но до капитуляции, то есть до Мюнхенского сговора (соглашения) оставалась еще неделя, насыщенная теперь уже трагическими событиями. К этому можно добавить только то, что в этот же день Польша выдвинула свои войска ближе к границе с СССР, в ответ на что командование Киевского особого военного округа получило приказ передислоцировать к государственной границе СССР Житомирскую и Винницкую армейские группы в составе 10 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 4 танковых и 1 мотострелковой бригад.

22 сентября.

То, чего боялось высшее руководство Чехословакии случилось буквально сразу же как только стало известно о решении правительства согласиться с англо-французским ультиматумом. Прага вышла на улицу. Женщины кричали *«Мы дадим вам своих сыновей, дайте им оружие!»* Французские и английские журналисты были шокированы действиями своих правительств и открыто выражали солидарность с чехами. В обстановке массового патриотического подъема правительство Годжи

подало в отставку, и президент Бенеш назначил премьер-министром Яна Сыровы. Теперь в правительстве было два генерала. В Праге весь день шли митинги.

Но в тот же день в Бад-Годесберге состоялась встреча Чемберлена с Гитлером, на которой английский премьер изложил свой план умиротворения Германии, который сводился к следующему. Чехословакия передает Судетскую область Германии, а в отношении остальных территорий создается комиссия из трех участников - представителей Германии, Чехословакии и какой-нибудь нейтральной страны. Более того, договоры Чехословакии о взаимопомощи с Францией и Россией предложено заменить международной гарантией против неспровоцированного нападения на Чехословакию. Сама Чехословакия должна быть полностью нейтральной. Гитлер спросил: *"Правильно ли я понял, что правительства Англии, Франции и Чехословакии согласны передать Судетскую область Германии?"* Чемберлен с довольной улыбкой ответил: *«Да!»*. И тут случилось неожиданное. Гитлер заявил: *«Мне ужасно жаль, но в свете событий последних дней предложенное решение уже утратило всякий смысл»*. После этого рейхсканцлер выдвинул требование немедленной оккупации Судетской области Германией и указал срок - не позднее 1 октября. Под рукой оказалась карта, на которой фюрер отметил, какие именно территории подлежат немедленной оккупации. Тогда же были заявлены и о намерениях Польши и Венгрии заполучить те районы Чехословакии, в которых компактно проживали поляки и венгры соответственно.

23 сентября. Утром Чемберлен сделал еще одну попытку договориться с Гитлером, предложив ему еще один вариант решения судетской проблемы. Но Гитлер

уже не хотел ничего слышать. Тогда Чемберлен попросил рейхсканцлера письменно изложить предложения германской стороны. Получив и прочитав письменный вариант, Чемберлен расценил текст как ультиматум, как план по захвату Чехословакии. но Гитлер возразил ему, указав на заголовок документа: Меморандум. Гитлер потребовал начать отвод чехословацкой армии уже 26 сентября и закончить его в течение двух дней. Н. Чемберлен ответил, что в такой ситуации он не видит возможности продолжать переговоры. Гитлер возразил, что у него готов план вторжения в Чехословакию. Это было 23 сентября в 22.30. Возникла зловещая пауза в переговорах.

В большую игру включились и Венгрия с Польшей. Венгрия нотой потребовала предоставления венгерскому меньшинству тех же прав, что и судетским немцам, а также передачи Венгрии той части Чехословакии, где венгры составляли большинство, а Польша - получить Тешинскую область.

В тот же день была издана директива Наркомата обороны и Генштаба РККА о приведении в боевую готовность войск Белорусского Особого и Калининского военных округов и выдвигении к границе частей Витебской и Бобруйской армейских групп и о сосредоточении бомбардировочной авиации в районе гг. Витебск, Орша.

24 сентября. Взаимные консультации, встречи, переговоры, обмен телеграммами продолжались всю ночь и весь день. В Праге были воодушевлены фактически рекомендацией чехам начать мобилизацию. И она началась, - под ружье встало более 1 миллиона 120 тысяч граждан Чехословакии.

В Лондоне совещались и тяготились тем, что стали посредниками между Берлином и Прагой. В конце концов, они обратились к чехословацкому правительству с тем, чтобы оно само договаривалось с Гитлером. В процессе обсуждения политики еще не имели того письменного меморандума, о котором Чемберлен просил Гитлера. Когда же меморандум был получен, то он был расценен как план по захвату

Чехословакии. Гитлер потребовал начать отвод чехословацкой армии уже 26 сентября и закончить его в течение двух дней. Н. Чемберлен ответил, что в такой ситуации он не видит возможности продолжать переговоры. Гитлер возразил, что у него готов план вторжения в Чехословакию.

Во Франции утром начальник штаба Национальной обороны генерал М. Гамелен заявил, что у Франции нет иного средства предотвратить войну, как быть готовой к ней. Поэтому за последние 48 часов на линию Мажино было отправлено 14 дивизий. Генерала сдерживали политики во главе с министром иностранных дел Ж. Бонне, сторонник соглашения с требованиями Гитлера. Он даже угрожал президенту Э. Даладье неповиновением, если вопрос о войне будет вынесен на заседание парламента. Наконец он предпринял шаг, втягивающий США в мюнхенский конфликт. Он обратился через американского посла У. Буллита к правительству США с просьбой выступить инициатором международной конференции, которая положила бы конец чехословацкому кризису.

25 сентября. Ночью чехословацкое правительство наконец получило текст годесбергского меморандума.. К нему была приложена карта районов, подлежащих передаче Германии (она была отмечена красным) и карта районов, где должен быть проведен плебисцит (она была окрашена в зеленый цвет). Чехословацкие войска должны быть выведены из спорных территорий, чтобы исключить давление на немецкое население перед организацией голосования. На бесспорных территориях все государственное имущество, в том числе и военное, должно было передаваться германским властям без повреждений. Срок был указан: 1 октября. В отличие от настроений 22 сентября в Праге уже не было такого массового подъема, а высшее армейское командование уже склонялось к отпадению Судет ради спасения нации. Было страшно обидно терять территории с высоким экономическим потенциалом, с оборонительными сооружениями, но военные, имея вытянутую границу, небезосновательно опасались германской авиации, которая на тот момент превосходила чешскую.

В тот же день президент США Рузвельт, получивший донесение своего посла Буллита, предложил идею обращения к лидерам конфликтующих сторон продолжать переговоры. Телеграммы были отправлены в европейские столицы.

27 сентября. Это важный день в понимании событий Мюнхенской драмы. Обращение Рузвельта не вызвало ответного отклика европейских лидеров. Пауза грозила либо затянуться, либо разрешиться войной. И тогда Рузвельт обратился вначале к Муссолини, которого считал более «порядочным», а после к рейхсканцлеру Гитлеру. Текст обращения к Гитлеру он набросал собственноручно и предложил

созвать четырехстороннюю конференцию с участием Великобритании, Франции, Германии и Италии. Было предложено и место конференции – Гаага, но Гитлер назвал баварский Мюнхен. Одновременно Рузвельт обратился и к Сталину с предложением поддержать его инициативу. Начались лихорадочные дни подготовки к мюнхенской конференции.

В этот же день польский посланник повторно вручил президенту Бенешу ультиматум Варшавы о незамедлительной уступке Тешинской Силезии Польше.

28 сентября. В ответ на призыв Рузвельта Сталин ответил, что СССР согласен участвовать в конференции всех заинтересованных сторон по судетской проблеме "для изыскания практических мер для противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями". Чемберлен, еще не оценивший значимость обращения Рузвельта, обратился к Муссолини с просьбой убедить Гитлера отложить вторжение в Судеты и выступить посредником в разрешении чехословацкого кризиса. Муссолини согласился и позвонил Гитлеру, после чего Гитлер, которому окончательно стало ясно, что Лондон и Париж, и тем более Рим уже смирились с его планами. Поэтому он немедленно пригласил Муссолини, а также Чемберлена и Даладье прибыть в Мюнхен и закончить затянувшийся конфликт. Сталину такое предложение не поступало.

29-30 сентября. Утром 29-го рейхсканцлер встретил дуче в местечке Куфштейн на бывшей австро-германской границе. Была трогательная встреча, в которой Муссолини уже относился к Гитлеру как к лидеру. На пути в Мюнхен Гитлер поделился своими планами с Муссолини, говоря ему: «Приближается время, когда нам придется воевать бок- о-бок против Франции и Англии».

Слева направо: премьер-министр Великобритании Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье, рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, премьер-министр Италии Бенитто Муссолини, министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано.

Церемония подписания соглашения происходила в недавно построенном здании Фюрербау.

Представители Англии, Франции, Германии и Италии собрались без консультаций с чехословацким правительством. Представителей Чехословацкой республики в зал не пустили, - их дипломаты посол в Германии Войтех Мастны и служащий министерства иностранных дел доктор Хуберт Масарик сидели в маленькой комнатке и ждали.... В 19.00 к ним вышел человек из свиты Чемберлена и передал текст принятого документа со словами: *«Если вы его не примете, то вам придется самим решать свои дела с Германией»*. Войтех Мастны ответил: *«Это выбор между убийством и самоубийством»*.

Подписанное в итоге конференции Мюнхенское соглашение на практике означало расчленение Чехословакии. Германия получила 1/5 ее территории и около 1/4

ее населения. К Германии переходили чехословацкие военные сооружения, половина горных и металлургических предприятий страны, важные железнодорожные магистрали.

Но в тот же день состоялось по инициативе Чемберлена подписание англо-германской декларации:

Англо-германская декларация

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и Англо-германское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

Подписанты с разными чувствами возвращались в свои столицы. Обоих встречали толпы народа, с восторгом принявшие известие об умиротворении Гитлера. Только Даладье, увидев в иллюминаторе своих восторженных соотечественников, пробормотал сквозь зубы: «Дурачье!». Он понял, что произошло. А Чемберлен у трапа самолета, потрясая перед встречавшими бумагой с текстом договора о новых взаимоотношениях Великобритании и Германии, воскликнул: «Я привёз мир нашему поколению».

Судетские немцы ликовали.

Bundesarchiv, Bild 183-H13158
Foto: s.Ang. (3. Oktober 1938)

Прага безмолвствовала. Президент Бенеш обратился к согражданам по радио со словами: «Не ожидайте от меня ни единого слова упрека. Но вот, что я скажу: жертва, которую нас заставили сделать – огромна и бесконечно несправедлива».

Свершилось. Аукнулся Версаль. Чехословакию расчленили.

В Москве известие о Мюнхенских событиях восприняли с разочарованием. Рушилась идея коллективной безопасности. Нарком Литвинов с нескрываемым упреком сказал уходящему с этого поста послу Франции Кулондру, что Франция «..систематически уклонялась от попыток советской стороны достичь необходимых военных соглашений к договору о взаимопомощи от 1935 г., даже тогда, когда Чехословакия действительно нуждалась в их помощи». Отвечая на вопрос посла о том, что нужно делать, Литвинов сказал: «...утерянных драгоценных позиций сейчас не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Остается одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями и он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останутся лишь три великие державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное».

А 6 декабря была подписана и франко-германская декларация:

Г-н Жорж Боннэ, министр иностранных дел Французской Республики, и г-н Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха, действуя от

имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.
2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.
3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

А теперь немного о Польше. Предоставим слово Уинстону Черчиллю, британскому премьер-министру во время войны, автору 6-томного труда «Вторая мировая война», получившего за него Нобелевскую премию по литературе.

«Мы хотим, — сказали чехи, — заявить перед всем миром о своем протесте против решений, в которых мы не участвовали». Расчленение чехословацкого государства шло в соответствии с соглашением. Однако немцы были не единственными хищниками, терзавшими труп Чехословакии. Немедленно после заключения Мюнхенского соглашения 30 сентября польское правительство направило чешскому правительству ультиматум, на который надлежало дать ответ через 24 часа. **Польское правительство потребовало немедленной передачи ему пограничного района Тешин. Не было никакой возможности оказать сопротивление этому грубому требованию.** (Выделено мной – С. Иванов))

Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса

для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости. (глава 18).

Заметим при этом, что в то время никто не предъявлял претензии Советскому Союзу за неоказание помощи Чехословакии. Впереди был 1939 год – год пакта Молотова-Риббентропа.

1939 год. Год начала Второй мировой войны

Обычно, во множестве информационных материалов, посвященных предыстории пакта Молотова-Риббентропа, указываются события, связанные с окончательной оккупацией Чехословакии Германией и Карпатской Украины Венгрией. Это было в марте. Но, погружаясь в калейдоскоп геополитики того времени поневоле начинаешь понимать как по-разному исследуют и делают выводы и оценки представители исторической науки разных стран. Что уж и говорить о журналистах и вообще об околоисторической публике. И главным вопросом, который задают себе и те и другие: кто был инициатором сближения Германии и Советского Союза, результатом чего и стал печально известный пакт? Возникают и другие вопросы: а что подвигло обе стороны предпринять такой неожиданный для идеологических противников шаг. Одни утверждают, что это следствие сговора двух тоталитарных режимов, другие, в частности, не кто-нибудь, а сам Лев Троцкий, утверждал, что пакт – это капитуляция Сталина перед Гитлером.

Напомним, что пакт Молотова-Риббентропа был подписан 23 августа 1939 года. Но начало сближения можно отнести к январю. Но вначале о геополитической обстановке.

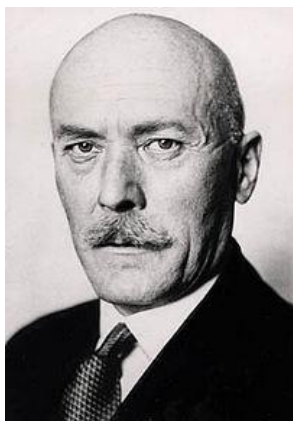
Итак, события, связанные с Мюнхенским соглашением, однозначно свидетельствуют о том, что Советский Союз был отстранен от европейских дел. Об этом можно судить по карикатурам того времени.

Советскому руководству и, прежде всего Сталину, стало ясно, что политика коллективной безопасности в Европе явно провалилась. СССР остался в изоляции. Вновь обострилась проблема приобретения промышленных объектов и технологий, в которых так нуждались вооруженные силы.

Но Германия также нуждалась в ускоренном перевооружении своей армии. Правда, аншлюс Австрии и присоединение Судетской области значительно увеличили военно-промышленный потенциал рейха. Но Германия отчаянно нуждалась в сырье, особенно в редкоземельных металлах. Вот именно это, на мой взгляд, и создало предпосылки для сближения двух стран.

Здесь нужно обратить внимание на деятельность сотрудников обеих посольств, а также работников торговых представительств. Попытки оживления торговых контактов начались еще в декабре 1938 года. В начале января 1939 года посол Германии граф Вернер фон Шуленбург встретился по своей инициативе с наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым с целью узнать о реакции советской стороны на германское предложение кредитов.

Вернер фон Шуленбург

Особой реакции посол не увидел. Буквально на следующий день советского полномочного представителя А.Ф. Мерекалова пригласили на встречу бывший германский посол в СССР Р. Надольный (не удалось отследить его родословную) и советник посольства Г. Хильгер (родившийся в Москве и интернированный в Германию в 1914 году), ответственный за вопросы торговли. Действовали они по своей инициативе или по решению, спущенному свыше, трудно выяснить. Но, так или иначе, Г. Хильгер заявил, что немецкая сторона ждет от советской стороны предложений о списке необходимого оборудования, кредитов и сроков поставки. И уже 10 января полпред Мерекалов обратился к ответственному работнику МИД Германии Э. Виллю с просьбой о встрече для передачи ответа советского правительства «относительно предложения Германии о кредитах». Можно предположить, что ответная реакция советского правительства была связана с активизацией германско-польских отношений.

Дело в том, что буквально в те же дни, а точнее 6 января министр иностранных дел Германии фон Риббентроп встретился с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком в Мюнхене и сделал ему следующее предложение: *"Данциг присоединяется к Германии. Взамен Польше будут предоставлены экономические привилегии, а все ее экономические интересы в этом регионе будут сохранены. Германии будет предоставлен доступ к Восточной Пруссии посредством экстерриториального шоссе и железнодорожной линии."* Бек ответил: *"Впервые я пессимистичен... В частности, в вопросе о Данциге я не вижу никакой возможности сотрудничества"*.

Начались встречи ответственных работников полпредства и торгпредства. А 12 января произошел эпизод, заставивший многих европейских (и не только) политиков озадаченно размышлять: что бы это значило. В этот день состоялся новогодний прием дипломатического корпуса в здании новой имперской канцелярии. И если раньше фюрер просто игнорировал присутствие советских дипломатов, то на этот раз он демонстративно подошел к полпреду Алексею Мерекалову и беседовал с ним более 5 минут. Адъютант Гитлера Фритц Видеман позднее вспоминал: *"...Я не знаю, о чем говорил фюрер с русским полпредом... Но манера и откровенно дружелюбное настроение, с которым он это делал, являлись недвусмысленным признаком того, что в его позиции что-то изменилось. Во всяком случае, Гитлер намеренно выделил русского"*. Европа терялась в догадках, что бы это значило.

Практически в те же дни состоялась договоренность о визите в Москву немецкой торговой миссии для переговоров с наркомом внешней торговли А. И. Микояном. Однако вследствие утечки информации переговоры с Микояном были приостановлены.

В феврале заметно оживилось сближение Германии и Венгрии, которая присоединилась к антикоминтерновскому пакту. Это вызвало негативную реакцию со стороны Советского Союза в виде довольно резкой ноты венгерскому правительству. Германия готовилась к захвату всей Чехословакии и пыталась сделать своими союзниками Венгрию и Польшу. Венгрии было дано согласие на захват Карпатской Украины.

11-12 марта 1939 года под влиянием Германии была провозглашена "независимость" Словакии, правительство которой обратилось к Берлину за помощью. Президент Чехословакии Э.Гаха и министр иностранных дел Ф.Хвалковский добились встречи с рейхсканцлером Гитлером, который в ультимативной форме потребовал их согласия на то, чтобы Германия взяла Чехословакию под свое "покровительство". Во время встречи президент Гаха от волнения даже упал в обморок.

15 марта войска Вермахта и СС перешли границу Чехословакии и за три часа достигли Праги; чехословацким войскам был отдан приказ не оказывать сопротивления. Германия объявила о создании протектората Богемия и Моравия. Гитлер прибыл в Прагу вечером 15 марта, а утром следующего дня принял парад своих войск на главной площади города. С трибуны было объявлено, что Чехословакия прекратила свое существование. Чехи практически не оказывали сопротивления немцам. На улицах Праги прогермански настроенные чехи приветствовали входящие войска Вермахта, в то время как большинство жителей чешской столицы находилось в состоянии отчаяния и безнадёжности.

Кортеж Гитлера на улицах Праги

Встречали по-разному

В тот же день вооруженные силы Венгрии вступили на территорию Карпатской Украины. В Хусте была провозглашена независимость Карпатской республики. Было создано местное ополчение, которое вместе с военизированной организацией самообороны «Карпатская Сечь» вступило в бой с венграми. В первый день сопротивления с ними рядом были чешские военные, но после приказа из Праги они были отозваны, а кое-где даже выступили против украинцев. Но силы были неравны и Карпатская Украина была оккупирована. Фактически следует признать, что первое вооруженное сопротивление германскому сателлиту оказали именно украинцы. И почему бы не этот исторический факт следует считать началом второй мировой войны?

Лидеры стран европейской демократии официально не осудили новый акт германской агрессии в отношении Чехословакии. В отличие от них Советский Союз 18 марта направил ноту правительству Германии, в которой говорилось, что *«...оккупация Чехословакии и последующие действия Германии не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными»*. По мнению Советского правительства действия германского правительства стали угрозой всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Центральной Европе и нанесли новый удар по чувству безопасности народов. Заметим, что из этой ноты следует, что политика Советского Союза в отношении Германии пока не претерпела изменений, несмотря на определенное оживление торговых переговоров. А заигрывание Гитлера на новогоднем приеме можно объяснить тем, что фюрер хотел таким образом склонить Сталина к нейтралитету в отношении захвата Чехословакии.

Вообще март 1939 года был богат на европейские события, приближающие к мировой войне. В марте закончилась поражением республиканцев гражданская война в Испании; многие страны признали режим генерала Франко. 16 марта румынский посланник в Лондоне заявил в Министерстве иностранных дел, что Германия практически предъявила Румынии ультиматум с требованием предоставить ей особые экономические и политические права в Румынии. После этого

начались интенсивный обмен мнениями между Англией, Францией и Советским Союзом. Советская сторона предложила провести конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения ситуации. Румыния заюлила, с одной стороны она не хотела провоцировать Берлин, желая чтобы инициатива защиты ее границ принадлежала Англии и Франции, а, с другой - не хотела чтобы в этом участвовал СССР. В течение недели дипломаты интенсивно обменивались мнениями, но их маневры напоминают известную задачку как перевести на другой берег волка, козу и капусту. В итоге ничего путного из идеи проведения конференции не получилось.

Чуть позже, 7 апреля итальянские войска вступили в Албанию. Муссолини хватило несколько дней для того, чтобы албанский парламент проголосовал за низложение короля Зогу и предложил албанскую корону итальянскому королю Виктор Эммануилу. Будущая гитлеровская коалиция разрасталась.

Но вернемся к германско-польским отношениям. Тогда же в марте лидер британской оппозиции У. Черчилль, выступая перед избирателями утверждал: « *"Мы не знаем, куда будет направлена его очередная агрессия, ибо со времени Мюнхена и раздела Чехословакии перед Гитлером оказалось так много открытых дверей, что он сам начал проявлять беспокойство. Гитлер сам точно не знает, что нужно сделать скорее, начать ли с захвата Мемеля или Данцига, или же возбуждать население Трансильвании против Румынии..."*

Литовский город Мемель (нынешняя Клайпеда) был передан Германии по решению литовского правительства 20 марта в ответ на германский ультиматум И. Риббентропа, объявленный днем ранее. Теперь на очереди был Данциг. Напомним, что Германия настоятельно рекомендовала Польше передать Данцигский коридор, взамен обещая определенные экономические привилегии, в частности, прокладку шоссе до Балтийского моря. На карте видно, что Данцигский коридор разделял немецкое население двух земель (Померания и Восточная Пруссия).

Предложение передачи было озвучено министром иностранных дел Германии И. Риббентропом на встрече с польским министром иностранных дел Ю. Беком. В случае согласия Берлин гарантировал новые германо-польские границы и готов был продлить на 25 лет германо-польский договор о ненападении 1934 г. Польский посол уклонился от ответа. Следующее предложение поступило 25-27 января во время визита Риббентропа в Варшаву. Вот тут Юзеф Бек уже прямо отказался обсуждать этот вопрос. Через два месяца, а точнее 21 марта, то есть после оккупации Чехословакии и других европейских событий, уже сам Гитлер потребовал возвратить Германии Данциг, а также разрешить Германии строить экстерриториальную автостраду и железную дорогу. В ответ Варшава 23 марта провела частичную мобилизацию и 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу, а польский генштаб приступил к осуществлению мероприятий по укреплению границ на западе.

Конечно, в истории нет сослагательного наклонения, но можно представить, что было бы, если бы Польша уступила Германии и отказалась от Данцигского коридора. Тогда бы не было повода оккупировать Польшу, не было бы пакта Молотова-Риббентропа, не было бы ....., ну и так далее... Но не покидает мысль, что европейские демократии проводили политику подталкивания Гитлера к походу на Восток. Посмотрим дальше как Англия и Франция выполняли свои обязательства перед Польшей в защите ее границ. Впрочем, у Гитлера были свои соображения и по поводу Польши, и по Прибалтике, и по СССР с его ресурсами.

Вот это был момент истины. Здесь можно было бы подробно изложить историю взаимоотношений между немцами и поляками в течение столетий, можно красочно описать особенности польского национального характера. Конечно, это в значительной степени влияло на поведение польского руководства. Но в данном случае поляки твердо рассчитывали на дипломатическую поддержку и военную помощь Англии и Франции. 6 апреля в Лондоне состоялась встреча Н. Чемберлена и Ю. Бека. И хотя стороны заявили о своем намерении заключить в будущем договор о военно-политическом союзе, официального соглашения подписано не было, поскольку англичане всячески уклонялись от этого. Известие о гарантиях Варшаве со стороны Британии привело фюрера в бешенство. Казалось бы, Польша должна была быть благодарна Гитлеру за его благосклонность в отношении захвата Тешинской области Чехословакии осенью 1938 года.

Теперь уже у Гитлера не было сомнений в необходимости военного решения проблемы Данцига, проблемы окончательного решения вопроса объединения немецких земель в единое государство. К тому времени население Германии составило 80 миллионов. 3 апреля фюрер отдал приказ начать подготовку к оккупации

Польши. Операция, получившая название «Вайс» (Weiß), была нацелена на то, чтобы его можно было осуществить в любое время, начиная с 1 сентября 1939 года. Началось конкретное военное планирование, задачи которого были определены «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», утвержденной Гитлером 11 апреля.

Дипломатические игры на краю обрыва

Во весь рост вновь встал вопрос о создании системы коллективной безопасности в условиях очевидных агрессивных планов Германии. Напомним, что 18 марта Советское правительство обратилось к правительствам Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции с предложением о созыве специального совещания. Британское правительство отклонило это предложение, посчитав такое преждевременным. 21 марта нарком М. М. Литвинову был вручен английский проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, согласно которому эти четыре страны должны были обсуждать меры, необходимые для оказания общего сопротивления агрессивным устремлениям Германии. Советский Союз дал свое согласие, однако **правительство Польши отказалось подписывать совместно с СССР документ даже чисто консультативного характера**. Причины польского отказа заключались в опасении усиления влияния СССР и нежелании быть втянутой в конфликт с Германией.

В английской правящей элите присутствовали две точки зрения. Английский премьер-министр Н. Чемберлен в своем письме 26 марта 1939 года сестре писал: *«Должен признаться, что я питаю глубокое недоверие к русским. И никоим образом не верю в их способность вести эффективные наступательные действия, даже если они захотят этого. Не доверяю я и побуждениям русских, которые, на мой взгляд, имеют мало общего с идеями свободы и направлены только на то, чтобы перессорить всех остальных друг с другом. Более того, к России относятся с неприязнью и подозрительностью большинство малых государств, в особенности, Польша, Румыния и Финляндия. Поэтому наше тесное сотрудничество с ней может стоить нам симпатии тех, кто способен оказать нам действительную помощь, если мы сумеем удержать их на своей стороне»*.

17 апреля 1939 г. советское правительство выступило со своим развернутым предложением. Оно предусматривало заключение Англией, Францией и СССР соглашения о взаимной помощи, включая военную, сроком на 5-10 лет. Помощь должна была оказываться в случае агрессии в Европе против любого из этих трех государств или против государств, граничивших с СССР. Ощущение нарастающей опасности усилилось после того, как 28 апреля Германия денонсировала германо-

польский пакт о ненападении, заключённый в январе 1934 года. Москва хотела подписать договор с потенциальными союзниками, но с точными обязательствами сторон. Именно этого стремилась избежать Великобритания.

У. Черчилль, бывший в то время первым лордом Адмиралтейства, в своем обращении к правительству 4 мая 1939 года заявил: *«Английский народ, который теперь, пожертвовав честным, укоренившимся обычаем, принял принцип обязательной воинской повинности, имеет право вместе с Французской республикой призвать Польшу не чинить препятствий на пути общего дела. Необходимо не только согласиться на всестороннее сотрудничество России, но и объединить три прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию».*

Майское обострение

В начале мая произошли события, о которых нужно рассказать подробнее. 3 мая был отправлен в отставку народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов. Его заменил В. М. Молотов, остававшийся одновременно председателем Совета народных комиссаров. Это означало, что по мнению советского руководства и, прежде всего, всего самого Сталина, политика коллективной безопасности оказалась неэффективной.

М.М. Литвинов

В.М. Молотов

В тот же день 3 мая 1939 года на заседании британского правительства вновь обсуждался вопрос о желательности возобновления контактов с Германией. И премьер-министр Чемберлен, и министр иностранных дел Галифакс высказали свое убеждение, что при известных обстоятельствах Лондон мог бы отказаться от выполнения своих обязательств по отношению к Польше. А через два дня, 5 мая в Сейме выступил глава польского министерства иностранных дел Ю. Бек. Он твердо заявил, что у Варшавы нечем делиться с соседом и ей нечего уступать, он даже отказался использовать термин «коридор», противопоставив ему «Поморское воеводство». По его словам, польское правительство выступало за мир, но не за мир

любой ценой. В конце своего выступления Бек заявил: *«Цена мира велика... Но она ограничена. Мы здесь, в Польше, не знаем понятия «мир любой ценой... Единственное, что в жизни отдельного человека, государства и народа неизмеримо по цене: честь»*. А между прочим, месяцем раньше Ю. Бек был уверен, что угрозы Германии— *«это блеф Гитлера. Он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»*

Ключевое значение имела позиция британского правительства. Предложенный им 8 мая проект декларации предусматривал обязательства СССР оказать помощь Великобритании и Франции в случае нападения Германии на Польшу или Румынию. В проекте не указывались британские и французские обязательства по оказанию помощи СССР в случае германского нападения на него самого либо на прибалтийские государства. Особого внимания требует отношение Польши к англо-франко-советским переговорам.

17 апреля Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор **направлен против СССР**, и Польша отказалась взаимодействовать с СССР в коллективных действиях против агрессии. И в то же время Польша заявила Германии, что *«она является европейским барьером против большевизма»* и окажет влияние на Англию, чтобы та не пошла на соглашение с СССР. 8 мая 1939 польский посол В. Гжибовский был вызван к Молотову для объяснений, где официально признал, что польско-румынский договор направлен против СССР. Ниже приводим фрагменты записи этой беседы, сделанная Молотовым.

«Я принял посла по его просьбе ... Во-первых, польское правительство заявляет, что инициатива Франции в переговорах о гарантиях Польше не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало. Во-вторых, Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности. Вместе с тем посол, отвечая на мой вопрос, сказал, что Польша не может быть против заключения пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, считая, что это дело самих этих государств. На мой вопрос, заинтересована ли Польша в таком пакте, посол отвечал уклончиво, перечитывая полученные инструкции. На мой вопрос, заинтересована ли Польша в гарантиях граничащих с СССР европейских государств, посол отвечал, что это не должно относиться к Польше. Он пояснял, что он говорит это в отношении данного момента, но что в дальнейшем вопрос может встать и иначе. Вся беседа свидетельствовала о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя

каким-либо соглашением с СССР или согласием на участие СССР в гарантиях Польше, но не исключает последнего на будущее».

Забегая вперед, уместно заметить, что в момент нападения гитлеровской Германии на Польшу румынское правительство отказалось прийти Польше на помощь, чем открыто нарушило заключенный ранее договор и продемонстрировало, что он отнюдь не должен был сдерживать германского агрессора, как это пытались представить на протяжении многих лет участники договора.

Подводя итоги весеннего обострения дипломатической игры, можно сделать вывод о том, что Англия и Франция, желая с помощью Советского Союза помочь Польше противостоять германской агрессии, но в то же время не брали на себя обязательства оказать поддержку СССР в случае агрессии против него. Позиция Польши была изложена выше, здесь стоит только еще добавить, что Польша, вообще выступала против военной помощи СССР и считала, что может обойтись и без нее.

Может быть позиция Советского Союза в апреле-мае 1939 года будет более ясной, если привести слова наркома Молотова: *«англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказать нам эквивалентную помощь»*. А Сталин выразился еще более конкретно: *«Англичане и французы хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить»*.

Дальневосточная угроза

Анализируя события, предшествующие началу второй мировой войны, невозможно не принимать во внимание наличие агрессивных планов союзника Германии по «антикоминтерновскому пакту» - Японию. Ровно в тот же день, когда Молотов встречался с польским послом (11 мая 1939 года) начались боевые действия на реке Халхин-Гол (Монголия). Им предшествовали многочисленные провокации со стороны Маньчжоу-Го, марионеточного государства, созданного Японией еще в 1932 году. Верное своему союзническому и интернациональному долгу, Советское правительство в 1936 году подписало советско-монгольский протокол о взаимной помощи против агрессии. Но тут чрезвычайно важным является аспект японско-английских отношений. Дело в том, что события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: *««Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»*. Речь идет о переговорах между

Англией и Японией, которые впоследствии будут называть дальневосточный вариант «мюнхенского сговора» (об этом чуть позже). Да и донесения советского разведчика, легендарного Рихарда Зорге не оставляли сомнения в агрессивности планов Японии в отношении СССР.

В начале июня Зорге подготовил для Москвы обстоятельный доклад с важными оценками и выводами о военно-политическом положении на Дальнем Востоке, о перспективах военного сотрудничества Японии, Германии и Италии и вероятных сроках готовности Германии и Японии к большой войне. Основные положения этого доклада сводились к следующему:

"1) Военное выступление Германии и Японии против СССР в ближайшее время маловероятно. Германия всецело поглощена подготовкой захвата Польши и борьбой против Англии и едва ли в ближайшем будущем сможет проявить непосредственный интерес к вопросу войны против СССР. В течение нескольких ближайших месяцев должна решиться судьба Польши. Тогда, после разгрома Польши, перед германской армией всплывут новые, непредвиденные, необозримые возможности развития, которые могут оказать определенное влияние на действия Японии.

2) Затянувшаяся война в Китае вызывает напряжение всех сил Японии. Об одновременном развязывании войны против СССР без поддержки со стороны Германии не может быть и речи. Японские вооруженные силы — армия, флот, авиация — требуют основательной реорганизации и перевооружения. По данным германского ВАТа, завершение этой реорганизации потребует еще 1,5–2 года, то есть Япония будет готова к "большой войне" не ранее чем в 1941 году.

3) Вступая в союз с Германией и Италией, японцы не будут себя связывать так безоговорочно, как Германия и Италия. Однако в своей политике на Дальнем Востоке они будут держать равнение на Германию и Италию. Если Германия и Италия развяжут войну, то Япония предпримет на Дальнем Востоке определенные враждебные акты против Англии и Франции и, в частности, не пройдет в своих действиях мимо Сингапура".

Теперь несложно представить себе в каких условиях советскому правительству принимать судьбоносные решения. На Западе неотвратимое приближение войны с Германией, подозрительность в отношении договороспособности стран демократии, особенно Великобритании и враждебная по сути дела позиция Польши, на Востоке — явная угроза со стороны Японии. Война на два фронта была бы настоящей катастрофой для молодого Советского государства, едва оправившегося после двух предыдущих войн и с неимоверными усилиями создавшая собственную индустрию, способную

вооружить армию. Гражданская война закончилась в 1922 года, то есть всего 17 лет назад. Думается, что для сталинского руководства важнейшей задачей стала задача сохранения государства.

Советско-германское сближение

Еще в марте 1939 года никому и в голову не приходила мысль о возможном сближении Сталина и Гитлера. Такое развитие событий просто даже не могло обсуждаться. Выступая на VIII съезде ВКП (б), нарисовал как мог политику Запада отношении Германии: *«...не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в "интересах мира», и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»*. В этой речи пока еще нет ни слова, ни намека о сближении. Но Сталин, как верный марксист, исходил из наличия глубинных противоречий империалистических хищников. Не нужно забывать, что у Гитлера был собственный счет к Великобритании. И вступать в схватку на два фронта могло привести к тому, что именно Великобритания станет победителем. И Германия вновь окажется у «разбитого корыта». Исходя из этой логики Гитлер еще в конце 1938 года пришел к выводу о том, что сначала нужно нейтрализовать западных соперников, а потом – двинуться на восток. Эта новая политика фюрера была стала известно ближайшему окружению только в середине марта.

Сложилась совершенно новая ситуация. Сталин и Молотов разуверились в искренности намерений западных демократий создать систему коллективной безопасности. И в случае провала переговоров с Англией и Францией Советский Союз мог оказаться (и оказался в конечном счете) практически в полной изоляции. Более того, военные указывали на угрозу «клещей», появившихся в результате захвата Западной Украины венграми, сателлитами Германии, а с севера – подписанием германско-эстонского соглашения о сотрудничестве, что позволяло ввести на территорию Эстонии немецкие войска. Не следует также сбрасывать со счетов угрозу войны на два фронта в условиях огромных расстояний между западным и восточными театрами военных.

Выше было показано, что первые шаги последующего сближения Германии и Советского Союза начались еще в конце 1938 года в результате нового импульса в торговых отношениях. Ключевую роль здесь играло катастрофическое ухудшение финансового состояния Веймарской республики. Активную роль в продвижении

контактов играл советник советского посольства в Германии Г.А. Астахов. Но, до мая никаких политических мотивов сближения не существовало. Направление событий начало стремительно меняться именно в мае 1939 года в связи со сменой руководства народного комиссариата иностранных дел. До этого невозможно было даже представить себе хоть какой-нибудь контакт еврея Литвинова с нацистом Риббентропом, не говоря уже о Гитлере. Но после разгрома НКВД ситуация изменилась. В том же мае, буквально через два дня после отставки Литвинова советник советского посольства Г. Астахов осторожно затронул тему смены руководства. Тут нужно отметить особую роль Г.А. Астахова в налаживании отношений двух стран. Фактически он использовал для регулярных донесений В.М. Молотову высокопоставленных информаторов в лице статс-секретаря Эрнста фон Вайцеккера, заместителя заведующего отделом печати Брауна фон Штумма, заведующего восточноевропейской референтурой Карла Шнурре и даже самого Й. Риббентропа. В конце мая, точнее 30 мая Вайцеккер сделал Астахову прямое предложение о будущем германо-советском политическом компромиссе. Уже вечером того же дня шифровка была передана Сталину, а на следующий день ближайшему окружению с резолюцией «Вне очереди».

А через две недели к Г.А. Астахову зашел посол Германии в СССР Ф. Шуленбург, фрагмент беседы с которым стоит привести в оригинале: *«...Шуленбург стал уверять, что германское правительство серьезно хочет улучшить отношения, но не знает, как это сделать. Оно не решаетя прямо ставить вопрос об этом, опасаясь нарваться на афронт, отказ, но наличие такого желания несомненно. Да оно и понятно, ведь никаких противоречий с СССР у Германии нет. С другими странами приходится говорить о территориальных, экономических и прочих претензиях. Здесь же все, по существу, ясно и урегулировано. Надо лишь впрыснуть новый эликсир в то, что фактически существует. Именно таково желание германского правительства, и поэтому все в аусамте (министерство иностранных дел – прим. автора) ждут ответа на вопросы, поставленные мне Вайцеккером»*. Запись этой беседы и последующих отправлялись Молотову, но только 28 июля нарком иностранных дел впервые одобрил инициативное поведение советника, а затем поручил выяснить подробности германских предложений.

Важный момент в советско-германских отношениях наступил 2 августа 1939 года. В этот день Г.А. Астахов встречался с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Вначале разговор шел о торговых отношениях, но затем были затронуты политические вопросы. Приводим фрагмент беседы во время этой встречи с позиций Риббентропа: *«...в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. До*

последнего времени в наших взаимоотношениях накопилось много болячек. Они не могут пройти внезапно. Для рассасывания их нужно время, но изжить их возможно. ~~25 лет тому назад началась мировая война. Основная причина ее заключалась в том, что Англия хотела отнять у Германии мировые рынки. Русский царь пошел вместе с Англией и в результате потерял трон.~~ Мы считаем, что для вражды между нашими странами оснований нет. Есть одно предварительное условие, которое мы считаем необходимой предпосылкой нормализации отношений, — это взаимное невмешательство во внутренние дела. Наши идеологии диаметрально противоположны. Никаких поблажек коммунизму в Германии мы не допустим. Но национал-социализм не есть экспортный товар, и мы далеки от мысли навязать его кому бы то ни было. Если в Вашей стране держатся такого же мнения, то дальнейшее сближение возможно».

И далее: «Что же касается остальных вопросов, стоящих между нами, то никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться. В этом я глубоко уверен. (Это Риббентроп повторил в различных выражениях несколько раз.) Я не знаю, конечно, по какому пути намерены идти у вас. Если у вас другие перспективы, если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулировать отношения с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то, конечно, дело ваше».

Записи бесед с германскими официальными лицами продолжались вплоть до 19 августа 1939 года, когда Г.А. Астахов был вызван в Москву, но уже не вернулся. В феврале 1940 года он был арестован, осужден на 15 лет и умер в заключении. Теперь он был не нужен, - переговоры перешли на самый высокий уровень.

Новый этап англо-франко-советских переговоров

Но переговоры с Англией и Францией еще продолжались. Летом последовал трудный обмен мнениями, текстами новых проектов и поправок. В Москве переговоры вели британские представители У. Сидс и У. Стрэнгом, французский посол П. Наджиар, с советской стороны — председатель Совнаркома, наркоминдел В. М. Молотов. Между тем в московских переговорах создалось большое затруднение: стороны не могли прийти к общей трактовке понятия «косвенная агрессия». Тем не менее британское и французское правительства решили поддержать советскую инициативу о незамедлительном открытии переговоров для подписания военной конвенции. 25 июля они выразили готовность послать в Москву своих представителей.

И здесь уместно вспомнить о советско-японских отношениях, поскольку в июле, именно в те дни, когда Советский Союз вел переговоры с Англией и Францией и внимательно изучал предложения Германии, состоялось подписание «соглашения Арита-Крейги», которое было названо «дальневосточным Мюнхеном». В соответствии с этим соглашением Англия признала «законность» японской агрессии в Китае, согласилась на пребывание японских войск в этой стране в течение неопределенного срока и обязалась не мешать установлению в Китае «нового порядка». В то же время никаких обязательств по отношению к Англии Япония не брала на себя. В условиях, когда Япония вела военные действия против СССР и МНР в районе реки Халхин-Гол, соглашение Арита — Крейги, являвшееся частью политики «дальневосточного Мюнхена», укрепляло позиции Японии и положение японских войск в Китае на том плацдарме, с которого они действовали против СССР и МНР. Советское государство оказалось, таким образом, перед непосредственной опасностью войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, причем без союзников.

Кстати, хотелось бы осветить еще один малоизвестный, но очень важный для понимания изменения политики СССР летом 1939 года, связанный с Японией. Тем же летом активизировалась деятельность Германии и Италии по созданию «оси», в которую приглашалась Япония. Но в силу противоречий в самом японском истеблишменте согласия достигнуть не удалось. Причиной была формулировка, определяющая условия вступления Японии. Японское правительство отказывалось брать на себя обязательство вступить в войну за исключением случая нападения на одного из союзников со стороны СССР. Но угроза большой войны, учитывая военное обострение летом в районе реки Халхин-Гол, все же оставалась. Советское руководство было осведомлено о планах нападения Японии на СССР. Именно в этот момент Германия выступила с очень важным заявлением, что советским руководителям не стоит переоценивать угрозу с Востока и даже предложили помощь в урегулировании советско-японского конфликта. Более того, сам Й. Риббентроп провел беседу с японским послом в Берлине Х. Осима и высказался в пользу нормализации отношений между Германией, Японией и Советским Союзом. Все это облегчало задачу Германии в захвате Польши, обеспечив нейтралитет со стороны СССР. Но и Сталин теперь мог меньше опасаться за результат боевых действий в Монголии.

Вот в таких непростой обстановке начались переговоры военных миссий проходили в Москве 12-21 августа 1939 г. Делегацию СССР возглавлял нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов, Великобритании — адъютант короля, начальник военно-морской базы в Портсмуте адмирал П. Дракс, Франции — член Высшего военного совета генерал Ж. Думенк. Члены делегаций (сравните уровень):

от СССР : начальник генерального штаба командарм первого ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар военно-морского флота Н. Г. Кузнецов, начальник военно-воздушных сил А. Д. Локтионов и заместитель начальника генерального штаба И. В. Смородинов;

от Англии: маршал авиации Ч. Вернет, генерал-майор Т. Хейвуд, а также ряд еще менее значительных лиц;

от Франции: генерал М. Вален, преподаватель военно-морской школы капитан 1 ранга Вийом, капитан А. Бофр и другие.

Миссия потенциальных союзников не торопилась. Это Чемберлен в критические дни Мюнхена впервые в жизни был вынужден сесть в самолет, а эти переговорщики воспользовались пароходом, затратив на переход почти неделю.

Работа совещания военных делегаций началась с предъявления полномочий, утвержденных правительствами. Председательствовавший на заседании Ворошилов зачитал текст выданного Советом Народных Комиссаров СССР полномочия, где указывалось, что делегация «уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе» . Полномочия французской делегации гласили, что генерал Думенк уполномочивается вести с главным командованием Советских Вооруженных Сил переговоры «по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооруженными силами обеих стран». Из этого следовало, что французская делегация имела полномочия на ведение переговоров. У английской делегации не было письменных полномочий. По этому поводу между главами советской и английской делегаций произошел следующий диалог.

Маршал К. Е. Ворошилов. *«...Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут закончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи... Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный - он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров...»* Адмирал П. Драке заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия... Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании.

Итак, уже в первый день заседаний декларированные намерения английского и французского правительств заключить военную конвенцию, а следовательно,

трехсторонний договор в целом, их представителями вновь были поставлены под сомнение.

Советская делегация предложила конкретный военный план, осуществление которого гарантировало пресечение германской агрессии. Начальник Генерального штаба Шапошников изложил план развертывания Советских Вооруженных Сил на западных границах СССР «Соображения по переговорам с Англией и Францией». Документ содержал предложения о действиях трех родов вооруженных сил СССР, Англии и Франции. В секретную инструкцию, которую маршал Ворошилов записал предположительно под диктовку Сталина 7 августа 1939 г., было включено требование пропуска советских войск через территорию Польши (Виленский коридор с северо-запада и Галицию с юго-запада), а также через Румынию. Без этого, говорилось в инструкции, «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал». Но Польша категорически возражала.

В наши дни встречаются публикации о то, что советская делегация не ставила своей целью достижения согласия, утверждая, что у Ворошилова не было плана общего ведения боевых действий. Но вот что писал позже руководитель французской делегации Ж. Думенк «*«...планы, которые он (Ворошилов – автор) только что осветил, безусловно, представляют собой наилучший способ отражения агрессии и что было бы полезно без дальнейших ожиданий изыскать пути к их реализации... Что касается моего личного мнения, то миссии (сами) уже выразили свой интерес к ним».* А член делегации капитан Бофр подчеркнул: *«Было бы трудно выразиться более ясно и конкретно».*

Английская военная делегация не была сориентирована на достижение конструктивного соглашения. Ей рекомендовалось «очень медленно», обсуждать военные планы «на чисто гипотетической основе». Состав делегации и данные ей инструкции показывали, что кабинет Чемберлена не хотел связывать себя какими-либо твердыми обязательствами. Во Франции более трезво, нежели в Англии, оценивали опасность агрессии со стороны Германии и значение союза с СССР для обеспечения своей безопасности. Ряд французских дипломатов и военных старались повлиять на неуступчивую Польшу. Но Польша по-прежнему оставалась непримиримой в вопросе о передвижении советских войск через ее территорию. Ее пытались уговорить и Англия и Франция, но Польша оставалась непоколебимой. Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявлял: «*... независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам».* Удрученный министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ считал, что отказ согласиться на проход советских войск означал бы, что **«Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все**

вытекающие из этого последствия (выделено автором). Советская делегация продолжала убеждать партнеров по переговорам в готовности к сотрудничеству. Начальник Генштаба Красной армии Борис Шапошников представил план, по которому, в случае германской агрессии, Красная армия выставит 136 дивизий. Министр обороны СССР К.Е. Ворошилов в целях смягчения советских условий, предложил план прохода по двум узким коридорам. Но и это вызвало возражения поляков. У. Черчилль так оценивал возникшую ситуацию: *«Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — позиция Польши была такова: "С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу"». ... «Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы спасти их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись — германской агрессии или советского спасения. Именно необходимость сделать этот жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции».*

Провал переговоров. Последняя неделя

Еще в конце июля, во время англо-франко-советских переговоров советник Чемберлена Г. Вильсон начал консультации с сотрудником аппарата Г. Геринга Х. Вольтатом. План Вильсона, изложенный им Вольтату 21 июля и германскому послу Дирксену 3 августа, предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении, который поглощал бы систему гарантий, данную Великобританией странам Восточной Европы. Сферы интересов двух стран в Европе разграничивались бы, причем за Гитлером признавалась бы гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений, урегулировании колониальных претензий Германии и предоставление ей крупного кредита. Но Гитлер не пошел на соглашение с Чемберленом, поскольку в этом соглашении было условие не предпринимать никаких акций, которые бы могли привести к войне в Европе без согласия Англии.

Короче говоря, в условиях взаимного недоверия все участники пытались маневрировать и зачастую вели двойную игру. Как написал один из исследователей этого периода *«...расчет англичан строился на том, что Гитлер может договориться с Великобританией и не может с СССР. Расчет французов — на том, что Сталин может договориться с Великобританией и Францией, но не с Гитлером. Расчет Гитлера делался на то, что Запад не решится на войну, и поэтому важнее договоренность со Сталиным. Расчет Сталина строился на противоречиях между*

двумя группами империалистов. Заключить соглашение можно с теми, кто больше даст для СССР».

В результате неуступчивой позиции Польши советскому руководству стало очевидным бесперспективность продолжения переговоров. У. Черчилль привел в своем 6-томном труде «Вторая мировая война» свой разговор со Сталиным во время их встречи в Москве в 1942 году, где советский вождь сказал: *«У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет».*

Можно было привести еще достаточно много свидетельств того как неуступчивость Польши фактически сорвала судьбоносные переговоры по созданию антигитлеровской коалиции. Для Сталина и Молотова это было совершенно ясно. В такой ситуации они просто не видели другой возможности избежать войны на своей территории, в случае если Германия захватит Польшу и окажется вблизи границ СССР. Тупик в переговорах с Великобританией и Францией толкал Сталина на принятие предложений Германии. Но советские лидеры не торопились, инициатива сближения исходила от Германии. Гитлер очень спешил, нападение на Польшу планировалось 26 августа. Теперь счет уже шел на дни.

Хотелось бы здесь добавить вот что. Для советских руководителей встреча на таком высоком уровне была чрезвычайно важной. До сих пор такие встречи были невозможны, - Советский Союз не рассматривался в качестве равноправного партнера. А тут впервые не только признали, но и запрашивались на встречу. Даже на судьбоносные переговоры с Англией и Францией были присланы второстепенные представители власти, не имеющие полномочий. А ведь одна из целей советских руководителей и заключалась в том, чтобы стать равноправным европейским партнером.

14 августа В. М. Молотов наконец дал согласие на обсуждение отношений с Германией, о чем Г.А. Астахов сообщил К. Шнурре, а тот Й. Риббентропу. Буквально на следующий день (так спешили), 15 августа теперь уже посол В. Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии. Здесь интересно то, что это предложение рекомендовалось не передавать Молотову, а только зачитать. Риббентроп не был уверен в положительной реакции советского наркома и председателя правительства. И в случае, если реакция будет негативной – не оставлять никаких письменных свидетельств германской инициативы. Вот некоторые выдержки текста этого устного

предложения, переведенного тут же в течение 40 минут и отправленного Сталину: «Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, не подлежащий изменению в течение 25 лет... период противостояния может закончиться раз и навсегда... капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза... Фюрер считает, что, принимая во внимание внешнюю обстановку, чреватую ежедневно возможностью серьезных событий, желательно быстрое и фундаментальное выяснение германо-русских отношений. Для этой цели я готов лично прилететь в Москву в любое время после пятницы 18 августа с полными полномочиями от фюрера».

Советник посольства Г. Хильгер уже 14 августа добивался аудиенции у Молотова на 15 августа. В конце концов встреча была назначена на 20-00. Встреча продолжалась несколько часов. Шуленбург и Молотов осторожничали в своих высказываниях и прощупывали собеседника. Молотов снова заявил, что «...вопрос должен быть обсужден более конкретно, чтобы в случае прибытия сюда имперского министра иностранных дел вопрос не свелся к обмену мнениями, а были приняты конкретные решения». Но решающим в этой беседе было то, что Советское правительство меняло позицию, впервые высказав свои пожелания. Они были конкретны, точны и заключались в следующем:

- пакт о ненападении с Германией,
- совместные гарантии нейтралитета Прибалтийских государств,
- отказ Германии от разжигания японской агрессии и вместо этого оказание влияния на Японию с целью прекращения ею пограничной войны,
- заключение соглашения по экономическим вопросам на широкой основе.

16 августа Шуленбурга направил отчет о встрече, который был понят в Берлине как согласие советского правительства «на то, что чтобы поставить немецко-советские отношения на новую политическую основу, однако высказалось в том смысле, что до начала прямых переговоров потребуются длительное изучение и дипломатическая подготовка». Но такая задержка не устраивала Гитлера. В тот же день Шуленбургу было отправлено указание добиться незамедлительной встречи с Молотовым с целью организации подписания договора. Немецкая исследовательница доктор Ингеборг Фляйшхауэр, получившая в свое время доступ к личному архиву послу Шуленбургу, достаточно подробно излагает хронологию событий, связанных с подписанием пакта Молотова-Риббентропа, в том числе этого, важнейшего для понимания политики советских руководителей дня - 17 августа. Звонок советника германского посольства Г. Хильгера в Наркомат иностранных дел раздался в 10-00. Но именно в эту минуту началось предпоследнее заседание англо-франко-советских переговоров. Молотов был вынужден перенести начало заседания и мгновенно связался со Сталиным. Далее, по тексту И. Фляйшхауэр «...Сталин взвесил значение сообщения, которое он в связи с обстоятельствами, возможно, оценил достаточно высоко, и отдал два распоряжения:

— Ворошилову он дал указание во время первого заседания этого дня решительно потребовать от западных военных миссий ответа на «кардинальный вопрос». Советское правительство вплоть до этого дня еще не совсем исключало возможность коренного поворота в переговорах, но с этого момента его ожидания сократились до минимум;

— Молотов получил указание в конце дня принять и выслушать германского посла.

После получения указания от Сталина Ворошилов резко поставил «кардинальный вопрос» о позиции Польши в отношении взаимодействий при согласия сопротивлении германской агрессии. А также о полномочиях английской делегации. И снова ответы не были получены. И тогда Ворошилов в последний раз потребовал дождаться положительного решения Польши и в 13-43 объявил перенос переговоров на 21 августа.

После прекращения переговоров члены советской делегации отправились на доклад Сталину. По воспоминаниям адмирала Н.Г.Кузнецова Сталин и его ближайшее окружение, выслушав военных, пришло к логическому выводу, что наступивший в военных переговорах перерыв следует использовать для проверки реальности германских предложений.

В. Шуленбург, ожидая ответ, страшно нервничал, - ему беспрестанно звонили и слали телеграммы из Берлина, настаивая на продолжении контактов с Молотовым. Но Молотов не отвечал, поскольку, как мы знаем, был занят практически весь день. Следует особо отметить, что сам Шуленбург, не испытывая по отношению СССР враждебности, искренне желал сближения Германии и Советского Союза,. 64-летний германский посол граф Фридриха-Вернер фон дер Шуленбург был представителем старой школы дипломатии, все современники характеризовали его как необыкновенно образованного и приятного, одаренного и обаятельного человека. Он неоднократно высказывал свое несогласие с политикой Гитлера в отношении Советского Союза. Это закончилось тем, что 23 октября 1944 года граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург был приговорен Народным судом к смертной казни за участие в немецком Сопротивлении Гитлеру и казнен 10 ноября того же года.

В результате обсуждения доклада военной делегации на переговорах 17 августа Сталин лично продиктовал Молотову текст ответа, который и был вручен германскому послу Шуленбургу: *«Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...»*. Далее ответ содержал перечисление старых обид и встречное предложение – *«доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов*

марок на семь лет, поставки ценного оборудования». А далее было заявлено, что следующим шагом может быть пакт о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете 1926 г. *«с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта».*

Надо сказать, что тон ответа не был дружественным, напротив он содержал интонации высокомерности. Но это уже не останавливало немецкую сторону. Немцы спешили с нападением на Польшу до осенней распутицы. Напомним, что Гитлер определил эту дату – 26 августа. Отчет Шуленбурга был получен Гитлером утром 18 августа и был признан совершенно неудовлетворительным. Немедленно последовало указание, чтобы завтра утром, в субботу, договориться об аудиенции у Молотова и принять все меры к тому, чтобы посол был принят в первой половине дня.

В оставшиеся дни французские официальные лица предприняли последнюю атаку на позиции Польши. 17 августа британский посол в Варшаве сэр У. Кеннард получил наконец от британского правительства указание поддержать усилия его французского коллеги Ноэля, направленные на то, чтобы склонить польское правительство к согласию на проход советских войск через польскую территорию. 18 августа военный атташе в Варшаве генерал Ф. Мюссе и посол Франции в Польше Д. Ноэль убеждали начальника Главного штаба польской армии генерала В. Стахевича и министра иностранных дел Польши Ю. Бека разрешить англо-французской делегации включить в договор пункт о проходе частей Красной Армии через польскую территорию. Но получили категорический отказ. 20 августа Ю. Бек послал польскому послу во Франции Ю. Лукасевичу телеграмму следующего содержания: *«Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается».* Разочарованный французский представитель на московских переговорах генерал Ж. Думенк телеграфировал в Париж: ***«Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию».*** Текст выделен для того, чтобы были совершенно понятны причины срыва переговоров.

Утром 19 августа Шуленбург получил инструкцию, которая предписывала ему добиться *«...немедленной беседы с господином Молотовым и использовать все средства, чтобы эта беседа состоялась без малейшего промедления».* Советник посольства Г. Хильгер снова пытался связаться с Молотовым. Прождав все утро звонка из Наркомата иностранных дел, Шуленбург был в полном отчаянии, как он сам писал *«сердце вот-вот разорвется».* Но вот в 15-30 Шуленбургу позвонил сам нарком В.М. Молотов и пригласил на встречу буквально через час. В назначенное время посол вошел в кабинет наркома. Неожиданно для него Молотов поспешно встал из-за стола и вышел навстречу Шуленбургу, приветливо улыбаясь. Потрясенный Шуленбург не

верил своим ушам: Молотов объявил послу, что Советское правительство пересмотрело свои взгляды и готово принять Риббентропа для подписания договора о ненападении 26 или 27 августа. После этого Шуленбургу был вручен текст советского проекта договора. Этот текст был отправлен в Берлин в ночь на 20 августа и получен в 03 час. 15 мин. Перевод был сделан немцами еще в Москве. Проект утром 20 августа был направлен Гитлеру, а также Риббентропу. Полный текст проекта был таков:

«Правительство СССР и Правительство Германии,

Руководимые желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия и агрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам обе Стороны обязуются разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4.

Настоящий договор заключается сроком на пять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5.

Настоящий Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего Договор вступает в силу.

Постскриптум.

Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта».

Что же произошло в тот день, конкретнее между 14:30 и 15:30? Признаюсь, что не хочу даже пытаться анализировать события этого дня. Невероятное множество различных интерпретаций, например, в отношении состоявшегося или несостоявшегося заседания Политбюро ВКП (б), на котором якобы выступил Сталин. Факт остается фактом: именно в этот день Сталин начал склоняться к решению относительно выбора дальнейшей внешней политики в пользу подписания с Германией договора о ненападении.

В. Шуленбург немедленно сообщил о состоявшейся встрече в Берлин, но даже такие близкие даты, 26-27 августа Гитлера уже не устраивали. Ведь датой начала польской кампании была назначена на 26 августа. Теперь он уже лично обратился к Сталину с личным посланием. Приводим его текст.

Телеграмма рейхсканцлера Германии А. Гитлера секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину

21 августа 1939 г.

{{* Передано послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом В. М. Молотову в 15 час.}} (перевод)

Господину И. В. Сталину

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.

3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.

4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское

правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

Берхгоф – резиденция Гитлера

Но, вот что здесь обычно упускается из виду. Проследим путь и время движения этой телеграммы из Берхгофа – резиденции Гитлера. Оттуда телеграмма ушла в 20 августа в 16-35, из министерства иностранных дел – в 18-45, В Москву же послу Шуленбургу предупреждение о посылке телеграммы поступило в воскресенье около 21 часа, а получена Наркоматом иностранных дел в 00-45, то есть уже 21 августа. В тот день Риббентроп отправил две телеграммы Шуленбургу: в 10-15 и в 14-30, торопя посла с организацией встречи с Молотовым. Но только в 17-00 Молотов встретился с Шуленбургом и передал ему ответ Сталина на послание фюрера. Почему так долго? А вот почему. Именно в тот день в предпоследний раз встречались представители Англии, Франции и Советского Союза на переговорах о создании коалиции, и оставалась последняя надежда на изменение польской позиции о проходе частей Красной Армии. И еще, что чрезвычайно важно, - в то утро две центральные газеты «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС (телеграфное агентство

Советского Союза) о заключении 19 августа 1939 года советско-германского кредитного соглашения. Это сообщение, наверное, должно было бы стать весомым аргументом для оказания давления на неуступчивую Польшу. Кроме того, Советское правительство, по-видимому, стремилось избежать упреков по поводу секретных переговоров с Германией. Но существует и другая точка зрения. По мысли И. Фляйшхауэр до этого времени Сталин «медлил» давать указание о подписании уже парафированного торгово-кредитного соглашения, то есть сделать первый шаг на пути дальнейшего германо-советского сближения. «Он использовал торгово-кредитное соглашение в качестве тормоза, выжидая, не сможет ли он еще заключить соглашение с англичанами и французами. 19 августа последовал отказ поляков. В ночь с 19-го на 20-е он дал указание подписывать».

Чрезвычайно важным для понимания логики тех событий учитывать то, что именно в тот день, 20 августа началось решающее наступление частей Красной Армии на Дальнем Востоке. Но его исход был далеко неясен для советского руководства. На первом этапе военных действий японская сторона имела явное преимущество, особенно в воздухе. Так, 22 июня в воздушных боях японцы сбили 17 советских самолетов, потеряв своих всего 7. Ранним утром 27 июня японские самолеты нанесли внезапный удар по советским авиабазам Тамсак-Булак и Баин-Бурду-Нур и тыловому аэродрому Баин-Тумен, уничтожив 20 самолетов, потеряв только 4 своих. Не понимать значение этих неудач в преддверии судьбоносных переговоров с Германией – значит либо вообще ничего не понимать, либо себя обманывать.

И вот наступил последний день переговоров – 21 августа. После очередных бесплодных попыток разрешить возникшие проблемы, нарком обороны К.Е. Ворошилов заявил: *«Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.... Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.*

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному

сотрудничеству с СССР. Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

Конечно, Ворошилов знал, что ожидается приезд Риббентропа для подписания советско-германского договора о ненападении, но логика событий свидетельствует, что в случае согласия Польши (и документально подтвержденное) на проход Красной Армии ситуация могла бы измениться коренным образом. Германский военный атташе в Москве Эрнст Кестринг (родившийся в России, закончивший московскую гимназия и Михайловское артиллерийское училище и эмигрировавший до 1914 года в Германию) *«не сомневался в серьезности советских усилий заключить пакт с западными державами».* Он перескажет и свой разговор с Ворошиловым в присутствии начальника Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошниковым уже после подписания советско-германского договора о ненападении. Интересно, что они сидели за тем же столом, за которым шли переговоры. Кестринг поинтересовался у советского наркома, как ему было вести переговоры с англичанами и французами. Ворошилов ответил: *«Да, это было ужасно. Если бы французы и англичане прислали других партнеров по переговорам, вы бы теперь, наверное, не сидели на их месте!»*

А на следующий день, 22 августа К.Е. Ворошилов встретился с представителем Франции генералом Ж. Думенком и провел с ним беседу, в которой Ворошилов еще раз указал на основную преграду на пути заключения военной конвенции – отказ Польши пропускать Красную Армию. Вот некоторые выдержки этой беседы.

Ген. Думенк. ... *Я откровенен с маршалом. Вместе с тем уже объявлено о том, что кто-то должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия. (приезд Риббентропа – автор.)*

Ворошилов. *Это верно. Но виноваты в этом французская и английская стороны. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гнула, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались.*

.....

Ворошилов. *Я сказал уже, что если бы поляки дали положительный ответ, то они потребовали бы своего участия в наших переговорах, поскольку этого нет — значит, они не в курсе или не согласны.*

Ген. Думенк. *Я вижу, что маршал не имеет намерения в ближайшее время продолжить работу нашей конференции, и я могу это констатировать. Все же я считаю, что нам имеет смысл продолжить нашу работу.*

Ворошилов. *На этот вопрос наша делегация уже дала свой ответ: до получения ясного ответа на поставленные нами вопросы мы работать не будем.*

Между прочим, некоторые исследователи, основываясь на этом разговоре делали вывод, что советская делегация не имела намерений продолжать переговоры из-за предстоящего визита Риббентропа. Поэтому и вела переговоры так жестко. Но дело обстояло иначе, - поджимало время. Советское руководство знало, что Германия нападет на Польшу в любом случае, независимо от того, будет или не будет подписан договор. Эти и другие сведения Сталин и Молотов получали через различные каналы НКВД. Дело в том, что в марте 1939 года основной задачей этого органа стала не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Информаторов было много, но наиболее ценными были Рудольф фон Шелиа, служивший в Варшаве советником германского посольства и некий анонимный «германский журналист». Р. Шелиа ненавидел и Гитлера и нацистов, поэтому передавал полученные материалы одному немецкому коммерсанту, которого считал агентом одной из западных стран, но который в действительности передавал полученные материалы советской военной разведке. Анонимный журналист был близок к советнику бюро министра иностранных дел Германии П. Клейсту. Между прочим, в одной из их бесед Клейст поведал, что «...Гитлер полон решимости обеспечить военную безопасность Германии на Востоке еще в течение этого года путем ликвидации Польского государства в его теперешней территориальной и политической форме». И далее «...Военная акция Германии против Польши намечена на конец августа — начало сентября. Военные приготовления в Восточной Пруссии почти закончены, в Германии и в Словакии они продолжаются». Важным источником информации был легендарный Рихард Зорге. Богатую по содержанию и анализу европейских событий информацию советским спецслужбам предоставляли бывшие российские дипломаты-эмигранты, объединённые в «Совет послов».

Вот в таких условиях, когда до нападения на Польшу оставалось всего несколько дней, советское руководство стояло перед судьбоносным выбором. И повторюсь, неизвестно как бы разворачивались события, если бы Польша не только дала согласие на взаимодействие с Советским Союзом, но и подтвердила это письменно. Но Польша в силу своих непомерных амбиций, предубежденности к России вообще (и были основания), а также, а, вернее, в первую очередь, исходя из полной уверенности в военной поддержке Англии и Франции упустила свой (и не только свой) шанс. Буквально через неделю станет ясно, что Польшу никто не поддержит. Но об этом позже.

Министр иностранных дел Германии Й. Риббентроп во главе немецкой делегации, состоявшей из 37 человек, вылетел в Москву на двух гигантских

четыrehмоторных транспортных самолета Фокке Вульф-200 «Кондор». Самолеты были случайно обстреляны в районе Великих Лук, но все же благополучно приземлились на подмосковном аэродроме Тушино около полудня. Визит был настолько поспешным, что советская сторона с трудом нашла нацистские знамена для официальной встречи (отыскивали на Мосфильме), а оркестр едва успел выучить гимн. Главу немецкой дипломатии Й. Риббентропа встречал заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин. После короткого завтрака они сразу же направились в Кремль, где и состоялась предварительная встреча со Сталиным. Риббентроп никак не ожидал, что в кабинете вместе с Молотовым будет Сталин. Это означало, что договор должен быть подписан безотлагательно. Встреча началась в 15-30 и за три часа текст договора был в основном согласован. Германская сторона была готова на любые поправки, лишь бы договор был заключен немедленно.

В этот день посол Л. Ноэль наконец после тяжелых переговоров в Варшаве смог отправить в Москву телеграмму следующего содержания: «Польское правительство согласно с тем, чтобы генерал Думенк сказал следующее: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно)». Но в данном случае справедлива поговорка «дорога ложка к обеду» и несправедлива «лучше поздно чем никогда».

Не лишним будет напомнить, что именно в те же дни, начиная с 20 августа развернулись жестокие бои на Халхин-Гол. Позже Молотов скажет: «*«Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну. Я подписал Пакт о ненападении с Германией, а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям».* Успешные действия на Дальнем Востоке, также были факторами на московских переговорах. Гипотетически можно себе представить, что было бы если японцы одержали победу.

Вторая встреча в этот день происходила в кабинете Молотова, где был накрыт стол на четыре персоны: Сталин, Молотов, Риббентроп и Шуленбург. Кроме них в кабинете присутствовали два переводчика: с немецкой стороны советник Густав Хильгер, с советской – Владимир Павлов. Подписание договора о ненападении вместе с секретным протоколом состоялось поздно ночью. В серьезной исторической литературе мало информации о том, как проходило подписание и последующий банкет. Это связано с тем, что участниками и свидетелями этого вечера и ночи были четыре официальных лица и два переводчика. Сталин не оставил воспоминаний, Риббентроп и два переводчика оставили, но гораздо позже и при совершенно других политических обстоятельствах. Молотов вообще сделал вид, что либо не знает ничего о секретном протоколе, либо не помнит, о чем написано в книге Ф. Чуева «140 бесед с

Молотовым». Риббентроп писал предсмертные записки в тюрьме во время Нюрнбергского процесса, Хильгер был несвободен в своих откровениях. Поэтому я не считал необходимым приводить их воспоминания, тем более, что все они во время банкета были «на хорошем подпитии» и не всегда говорили то, что не сказали бы на трезвую голову. Встреча закончилась только к пяти часам утра 24 августа.

Signing of the Non-Aggression Pact

The result of this fateful meeting was the signing of a non-aggression pact.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ.

23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон-Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина

и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Правительство СССР и
Правительство Германии
Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,
пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем созидания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Правительство
Германии
И. РИББЕНТРОП.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ.

23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон-Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина

и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Правительство СССР и
Правительство Германии
Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,
пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем созидания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Правительство
Германии
И. РИББЕНТРОП.

Вообще говоря, в самом подписании ничего не было необычного, первый такой договор был подписан еще в 1926 году. 24 июня 1931 между Германией и СССР был подписан протокол о практически бессрочном продлении этого договора при условии, что каждая из договаривающихся сторон имела право его денонсировать.

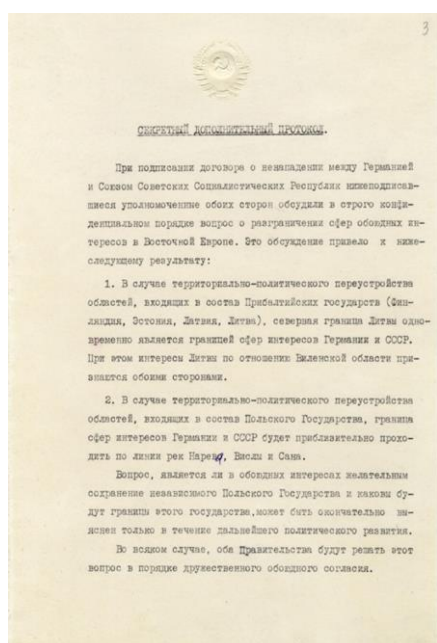
Договор состоял из семи коротких статей:

- статья I обязывала стороны воздерживаться от агрессии в отношении друг друга;
- статья II обязывала стороны не поддерживать агрессии третьих стран против другой стороны;

- статья IV обязывала стороны не вступать в военные союзы, направленные против другой стороны;
- статья V предлагала пути мирного урегулирования конфликтов;
- статья VI описывала срок действия договора (десять лет с автоматическим продлением каждый раз на пять лет);
- статьи III и VII были чисто техническими.

Основное и важнейшее отличие от предыдущих договоров заключалось в наличии секретного протокола.

Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между СССР и Германией. 23 августа 1939 г. Советский оригинал на русском языке.

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только

в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

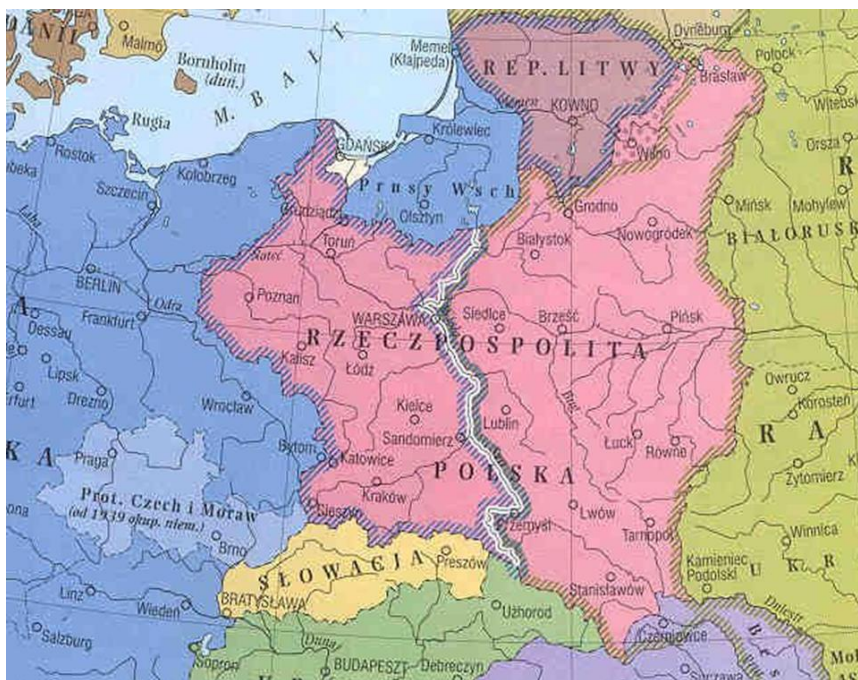
3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию Правительства СССР Glossar В. Молотов

Карта объявленных интересов Германии и Советского Союза

Карта раздела интересов Германии и СССР

А наутро они проснулись...

Подписание договора о ненападении произвело во всем мире, как это принято говорить, впечатление разорвавшейся бомбы. Причем не только в Европе, Азии и Америке, но и в Советском Союзе. Но это замечание не совсем точно отображает внешнеполитическую ситуацию в мире. Дело в том, что сведения о предстоящей поездке Риббентропа в Москву стали широкоизвестными, начиная с 22 августа. В связи с этим Риббентроп перед отлетом направил инструкции германским миссиям за

рубежом. В этой инструкции заключение пакта ставилось в непосредственную связь с обострением ситуации вокруг Польши и подчеркивалась германская «заинтересованность в недопущении перехода Советского Союза на сторону Англии». Кроме того, признавался тактический характер этого сближения - надлежало рассеять у Советского правительства чувство угрозы в случае германо-польского конфликта. Здесь важна реакция Италии и Японии. С представителями своих союзников по антикоминтерновскому пакту Риббентроп переговорил лично. Министр иностранных дел Италии Г. Чиано был обескуражен, явно не ожидая такого развития событий. Но Италию это особенно не затрагивало, по крайней мере, на текущий момент. Во всяком случае итальянцы не запросили у немцев никаких дополнительных разъяснений. А реакция японского посла Х. Осима была совершенно иной. Для него известие о предстоящем визите Риббентропа стало тяжелым ударом.

Настоящий шквал информационной реакции правительств, политиков и журналистов на пакт Молотова-Риббентропа начался 24 августа. Описывать его не входит в задачи этой работы. Отметим только реакцию Японии. Ее правительство расценило его как предательский с немецкой стороны и заявило официальный протест. 28 августа кабинет премьер-министра Н. Хиранума, ратовавший за заключение военного союза с Германией против СССР, подал в отставку. Советское посольство сообщало в Москву: *«Известие о заключении пакта произвело здесь ошеломляющее впечатление... газеты начинают пока осторожно обсуждать возможность заключения такого же пакта с СССР».*

Большой проблемой стала сложность объяснения новой советской политики в отношении фашистской Германии коммунистическим партиям, в частности, генеральному секретарю исполкома Коминтерна Г. М. Димитрову. При встрече с ним Сталин изложил логику событий конца августа в следующих словах: *«Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) <...> Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучшие разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии <...> До войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно. Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно. Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл».*

Советские люди, до этого пребывавшие в полном неведении, также были ошеломлены подписанием договора. Об этом свидетельствует публикация отчетов НКВД о настроениях и слухах в народе. В.М. Молотов был вынужден пояснить изменение внешней политики СССР, выступая 31.08.1939 на внеочередной четвертой

сессии Верховного Совета СССР первого созыва. В частности, он заявил: *«23 августа 1939 г., когда был подписан советско-германский договор о ненападении, надо считать датой большой исторической важности. Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы. Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения».*

Уинстон Черчилль с пониманием отнесся к подписанию договора: *«Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».*

Президенту США Ф. Рузвельту содержание договора о ненападении и секретного протокола стало известно уже утром 24 августа от советника посольства США Ч. Болена, которому советник германского посольства Х-Г. Фон Биттенфельд показал текст. Рузвельт не счел нужным передать эту информацию ни одной из заинтересованных сторон, включая Польшу!

Был ли сговор?

19 сентября 2019 года Европарламент принял резолюцию об осуждении пакта Молотова — Риббентропа и признании его причиной начала Второй мировой войны. Подписание этого документа рассматривается как сговор двух тоталитарных режимов. Пусть читатель сам судит насколько информационно были подготовлены делегаты к

такому решению и чем они руководствовались. Автор же хочет показать абсурдность такого мнения.

Что такое «сговор»? В русском языке это слово имеет разные значения, в зависимости от контекста. В политическом дискурсе оно означает «Соглашение с целью совместного осуществления преступного замысла». То-есть, имеется в виду, что Гитлер и Риббентроп с самого начала договаривались «идти на дело» со Сталиным и Молотовым. Но давайте взглянем как вел себя Гитлер и его ближайшее окружение непосредственно перед 23 августа. Дальнейшее изложение – по материалам все той же Ингеборг Фляйшхауэр.

За день до этого Гитлер, воодушевленный успешным началом взаимодействия с Молотовым, выступил перед генералитетом с речью. В этой речи он признался, что предыдущие успехи последних лет – это результат, достигнутый «благодаря блефу политического руководства». Далее он заявил: *«Четыре дня назад я предпринял необычный шаг, приведший к тому, что Россия вчера ответила, что она готова пойти на заключение пакта. Установлен личный контакт со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра подпишет договор. Теперь Польша находится в положении, в котором я хотел ее видеть»*. Эта речь Гитлера, - пишет И. Фляйшхауэр, - *«наверняка породила определенную растерянность. Высказывания, которые Гитлеру довелось услышать во время последовавшего за встречей обеда, подтвердили, что в этом кругу ни политическая изоляция Польши, ни возможность локализации войны против нее не рассматривались как данность»*.

Далее автор (И. Фляйшхауэр) пишет о второй речи Гитлера, с которой он выступил в тот же день в ответ на скептические прогнозы военных. Гитлер в этой самой жесткой из всех произнесенных до войны речей рекомендовал: *«Железная решимость в наших рядах. Ни перед чем не отступать. Каждый должен придерживаться взгляда, что мы с самого начала готовы бороться и против западных держав. Бороться не на жизнь, а на смерть... Преодоление прежних времен путем привыкания к самым тяжелым испытаниям... На первом плане уничтожение Польши. Цель — устранение живой силы, а не достижение определенного рубежа... Я обеспечу пропагандистский повод к развязыванию войны, неважно, в какой мере достоверный... Состраданию нет места в наших сердцах. Действовать беспощадно. 80 миллионов человек должны обрести свое право... Право принадлежит более сильному. Предельная твердость... Приказ о начале последует, вероятно, в субботу утром»*.

Адъютант Гитлера полковник Е. фон Белов напишет позже: *«Мы стояли перед фактом, что через несколько дней Германия окажется в войне, которую фюрер считал неизбежной и которой он хотел, не имея притом доверия к генералам,*

поскольку те видели в ней несчастье. Тем не менее ничего против Гитлера они не предпринимали».

Весь день 23 августа Гитлер был в сильном возбуждении, становясь к вечеру все беспокойнее. Около 20 часов он велел запросить посольство в Москве и получил лишь лаконичный ответ, что о переговорах еще ничего не сообщено. Напряженность ожидания возрастала. Риббентроп звонил в процессе переговоров, Гитлер мгновенно отвечал. И только после звонка Риббентропа поздно ночью о подписании договора Гитлер облегченно и победно вздохнул.

А теперь заглянем в самолет Риббентропа, во время перелета. Как пишет И. Фляйшхауэр: *«На протяжении всего полета настроение столь различных по происхождению, образованию и политическим симпатиям членов делегации было отмечено столь большой неуверенностью и нервозностью, что дело доходило до личных конфронтаций: над всеми витало «напряженное ожидание авантюры, навстречу которой мы летели».* Член делегации Р. Шмидт, в обязанности которого входило составление отчета о ходе переговоров и запись любых соглашений, которые могут быть достигнуты, вспоминал: *«В отличие от общественности Германии, мы были далеки от утешительной мысли насчет перспективы взаимопонимания с русскими».* Как-то не похоже все это на «сговор».

Можно добавить к этому и еще, казалось бы, малозначащий факт, что советская сторона, ожидая высокопоставленного партнера по «сговору», даже не предоставила ему резиденцию в Москве. Посол В. Шуленбург с трудом разместил немецкую делегацию и самого министра Риббентропа в здании бывшего австрийского посольства. Между прочим, в этом же здании через пять лет, 19 октября 1944 года остановится премьер-министр Англии У. Черчилль, где, в частности, снова решалась судьба Польши.

Работая над этими материалами автору пришлось перечитать множество научных статей, политических оценок, обвинений и восхвалений в адрес советского руководства. Но самой яркой характеристикой смысла заключенного договора о ненападении автор увидел в карикатуре того времени.

Последняя неделя перед началом войны

Эта неделя для Советского Союза была победной. 26 августа 1939 года советские войска полностью окружили 6-ю японскую армию. 28 августа началось подавление японского сопротивления в районе последнего узла обороны. Около 400 японских солдат, пытавшихся ночью пробиться из окружения, были полностью уничтожены в яростной схватке, дошедшей до рукопашной. К утру 31 августа территория Монголии была полностью очищена от японских войск. После этого наземные бои затихли, зато возобновились воздушные сражения. Но теперь уже преимущество было на стороне советских летчиков. В воздушных боях японская авиация потеряла 70 самолетов против 14 сбитых советских. Осознав своё поражение, японцы попросили о перемирии, которое было подписано 15 сентября 1939 года.

Приближалась дата начала военной операции против Польши, назначенная Гитлером на 26 августа. Британское правительство, получив известие о подписании договора о ненападении, в тот же день 24 августа 1939 года направило маршалу Рыдз-Смиглы предложение эвакуировать с Балтики самые современные корабли польского флота. На следующий день, 25 августа был подписан пакт между Польшей и Великобританией об общей защите. Договор содержал взаимные обещания в оказании военной помощи в случае если какая-либо из сторон будет атакована третьей стороной. Утром этого дня Гитлер предпринял еще одну попытку нейтрализовать Британию. Он вызвал в Канцелярию английского посла Н. Гендерсона. Личный переводчик Гитлера,

Р Шмидт так вспоминает эту встречу. Вначале Гитлер заявил послу: *«Вчера в Палате общин ваш премьер-министр произнес речь, которая ни в коей мере не меняет отношения Германии. Единственным результатом этой речи может стать кровопролитная и непредсказуемая война между Германией и Англией. Но на этот раз Германии не придется сражаться на два фронта, так как соглашение с Россией является безоговорочным и представляет долгосрочное изменение в немецкой внешней политике»*. Затем последовало его знаменитое предложение гарантии незыблемости Британской империи и даже предложение оказать помощь «в любой части света, где такая помощь может понадобиться». В заключение Гитлер заявил: *«Германско-польская проблема должна быть решена и будет решена»*.

Затем настала очередь французского посла Р. Кулондра. Гитлер высказал ему то же, что и Н. Гендерсону. Но француз был решительней. Он заявил Гитлеру: *«В такой критической ситуации, как эта, герр Рейхсканцлер, непонимание между странами является самым страшным. Следовательно, чтобы прояснить суть дела, я даю Вам честное слово французского офицера, что французская армия будет сражаться на стороне Польши, если эта страна подвергнется нападению»*. Затем, повысив голос, продолжал: *«Но я также могу дать Вам мое честное слово, что французское правительство готово сделать все возможное для сохранения мира и стать посредником в вопросах урегулирования в Варшаве»*. Как тут не вспомнить, что в своей речи 22 августа Гитлер боялся того, что "в последний момент какая-нибудь свинья подсунет предложение о посредничестве".

Третьим был посол Италии Б. Аттолико, который на этот раз принес столь нетерпеливо ожидаемый ответ на доверительное послание Гитлера о готовящемся вторжении в Польшу. *«В один из самых трудных моментов моей жизни, — писал Муссолини, — я должен сообщить Вам, что Италия не готова к войне»*.

Раздраженный Гитлер был вынужден отложить нападение на Польшу с 26 августа на 1 сентября. Возникла сумятица, поскольку часть боевых соединений уже почти вышла на исходные позиции, а некоторые части уже начали военные действия по разрушению польской инфраструктуры.

Последующие три дня были заполнены интенсивным обменом посланиями между Берлином, Лондоном и Парижем. Премьер Франции Э. Даладье написал Гитлеру: *«Если на Польшу будет совершено нападение, честь Франции потребует, чтобы она выполнила свои обязательства»*. Посол Н. Гендерсон 28 августа летал в Лондон и привез меморандум британского правительства. *«Правительство Его Величества не может, какие бы преимущества ни предлагались Великобритании, молчаливо согласиться на соглашение, которое подвергло бы опасности независимость государства, которому оно дало гарантии»*. В качестве следующего

шага предлагалось возобновление прямых переговоров между польским и германским правительствами, относительно которых уже были получены «определенные заверения от правительства Польши». Нота заканчивалась следующими недвусмысленными словами: *«Простое урегулирование этих вопросов между Германией и Польшей может открыть путь к миру во всем мире. Неудача в попытке достичь его разрушит надежды на лучшее взаимопонимание между Германией и Великобританией, приведет обе страны к конфликту и, вполне вероятно, ввергнет весь мир в войну. Такой исход был бы бедствием, не имеющим параллелей в истории».*

Ответ Гитлера, уже больше озабоченного организацией предстоящего нападения на Польшу, чем перепиской с оппонентами, был резок. Он в очередной раз обвинял поляков: *«...варварская жестокость, которая вопиет к небесам», «преследование немецкого населения в Польше», «убийство немцев, проживающих в стране, или их принудительная эвакуация при самых жестоких обстоятельствах», «состояние дел, невыносимое для великой державы».* И в конце письма Чемберлену было: *«При таких обстоятельствах немецкое правительство принимает предложение правительства Великобритании о посредничестве, в соответствии с которым польский участник переговоров с нужными державами будет направлен в Берлин. Прибытие посланца Польши ожидается в среду 30 августа 1939 года, и правительство сразу же подготовит свои предложения».*

29 августа Гендерсон ознакомился с текстом ответа Гитлера и высказал удивление краткостью срока, отведенного полякам для подготовки встречи. Гитлер ответил: *«Времени мало, потому что существует опасность, что новые провокации могут привести к развязыванию войны».*

На следующий день были подготовлены предложения Гитлера по урегулированию польского конфликта. Переводчик Шмидт, присутствовавший при последней встрече Риббентропа и Гендерсона, напишет впоследствии: *«Я вдруг понял, в какую игру играли Гитлер и Риббентроп. В тот момент я понял, что громкие предложения Гитлера делались всего лишь напоказ и никогда не предполагалось, что они будут выполняться».* Предложения, действительно были «громкие». Предполагался плебисцит по вопросу о Польском коридоре под наблюдением международной комиссии британских, французских, итальянских и русских представителей; Гданьск оставался за Польшей; Польше отдавалась международная магистраль и железная дорога на территории, которая становилась германской.

На этой встрече Гендерсон заявил, что *«неразумно ожидать, что Великобритания сможет организовать приезд польского представителя в Берлин в течение двадцати четырех часов».* Риббентроп вспылил: *«Время истекло. Где поляк, которого должно было доставить ваше правительство?»* По свидетельству

переводчика Шмидта эта встреча чуть не закончилась в прямом смысле дракой между министром иностранных дел Германии и послом Великобритании,

Наступил последний день мира, 31 августа 1939 года. Ближе к вечеру польский посол Ю. Липский явился к Риббентропу и вручил ему сообщение польского правительства о согласии принять предложение Великобритании о проведении прямых переговоров между Германией и Польшей. Ниже приведена записи беседы министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа с послом Польши в Германии Ю. Липским.

31 августа 1939 г.

Посол Липский зачитал следующую инструкцию своего правительства:

Сегодня ночью польское правительство получило от правительства Великобритании известие об обмене мнениями с германским правительством относительно возможности прямых переговоров между правительством Германии и польским правительством.

Польское правительство в благоприятном смысле учитывает внушения правительства Великобритании, которому в ближайшие часы будет дан формальный ответ в этом вопросе.

На повторный вопрос имперского министра иностранных дел о том, уполномочен ли он вести переговоры, посол Липский ответил — нет. У него было лишь поручение передать имперскому министру иностранных дел уже зачитанную инструкцию, которую он затем вручил также в письменном виде.

Затем имперский министр иностранных дел кратко рассказал, об обмене мнениями между германским и английским правительствами и предложении Германии о том, чтобы в течение 30 августа в Берлин прибыл польский представитель. Фюрер прождал целый день, но лишь под вечер получил от английского правительства довольно бессодержательное заявление.

На повторный вопрос имперского министра иностранных дел о возможных полномочиях Липского на ведение переговоров тот вновь заявил, что вести переговоры не уполномочен.

В соответствии с указанием сие представлено имперскому министру иностранных дел.

Услышав ответ посла Липского об отсутствии у него полномочий вести переговоры, Риббентроп сказал: «Ну тогда нет смысла продолжать этот разговор». Это был последний разговор дипломатов, после чего заговорили пушки. Добавим

только, что и сам Риббентроп не имел таких полномочий. Зачем? Все было ясно. Завтра была война.

1 сентября 1939 года. Началось...

Хронология первого дня начала Второй мировой войны хорошо известна. Она представлена в многочисленных статьях, книгах и кинофильмах. В 5 часов 30 минут утра 1 сентября 1939 г., без предварительного ультиматума или формального объявления войны, гитлеровская Германия напала на Польшу. В 5 часов 40 минут утра Гитлер выступил по радио с обращением к своей армии, в котором заявлял, что польское правительство отклонило мирное урегулирование спорных вопросов и поэтому он вынужден апеллировать к силе оружия. Фюрер бросил на Польшу 57 своих лучших дивизий, германская авиация громила польские города, огромное количество танков, броневиков и артиллерийских орудий стремительно обрушилось на польские земли. Натиску немцев Польша могла противопоставить лишь 31 дивизию, 800 самолетов, из которых лишь около половины относились к современным типам, довольно скромное количество артиллерии и совсем небольшое количество танков.

Но нас больше интересует позиция Англии и Франции, клятвенно обещавшая немедленно выступить в защиту Польши. Здесь мы будем обращаться к мемуарам советского посла в Англии И.М. Майского, очевидца тех событий, книги которого неоднократно издавались и в России, и за рубежом.

Хронологически события разворачивались так: 1 сентября в 9 часов 40 минут английский и французский послы в Берлине вручили германскому министру иностранных дел Риббентропу заявление своих правительств, сущность которого сводилась к ультиматуму: если Германия немедленно не прекратит военных действий и не эвакуирует из Польши свои войска, Англия и Франция выполнят договорные обязательства в отношении Польши. Но на протяжении более чем двое суток премьеры не торопились выполнять эти обязательства, что вызвало у возмущенной оппозиции в парламенте резкую критику. Чемберлен пытался оправдаться, ссылаясь на возможность урегулирования конфликта путем «конференции пяти» (Германия, Италия, Англия, Франция и Польша), созыв которой предложил Муссолини.

Уступая нападкам оппозиции и гневу общественного мнения, Чемберлен был вынужден дать обещание, что не позже завтрашнего утра правительство сообщит народу вполне определенное решение. В воскресенье 3 сентября в 9 часов утра английский посол в Берлине Н. Гендерсон вручил германскому правительству ноту, в которой заявлялось, что если в течение двух часов не последует согласия Гитлера на вывод немецких войск из Польши, Англия объявит Германии войну. Аналогичный

демарш сделал и французский посол в Берлине с той лишь разницей, что срок французского ультиматума истекал не в 11, а в 5 часов дня 3 сентября. Разумеется, что Гитлер воспаленным мозгом хищника, преследующего добычу, даже не ответил.

Осознав никчемность и безнадежность попыток как-то повлиять на вал грядущих событий, Чемберлен в 11 часов 15 минут утра 3 сентября в кратком выступлении по радио вынужден был объявить о состоянии войны между обеими странами. На заседании парламента подавленный Чемберлен произнес: *«Это печальный день для всех нас, но ни для кого он так не печален, как для меня. Все, ради чего я работал, все, на что я надеялся, все, во что верил на протяжении моей общественной деятельности, все это лежит сейчас в руинах»*. Посол И. Майский, сидя в галерее для мысленно произнес, что и отражено в его мемуарах: *«Ты только пожинаешь плоды своей собственной глупости и злокозненности. Колесница справедливости медленно движется, но все-таки движется, и сейчас ты топал под ее колесо. Жаль только, что за твои преступления расплачиваться придется широким массам народа»*.

Таким образом, Англия и Франция хоть и с опозданием, но выполнили свои обещания и объявили войну Германии. В исторической литературе эта война получила название «странной». Вот как характеризовал ее тогдашний лидер лейбористской партии в парламенте А. Гринвуд в середине сентября. На вопрос И. Майского о германо-польской войне он ответил: *«Это ужасно! Ужасно! Наше правительство дало самые торжественные обещания прийти на помощь Польше в случае германского нападения, а что мы делаем? ... Мы не послали в Польшу ни одного самолета, а собственные самолеты используем!»* Другой либеральный депутат парламента Дж. Мандер с горечью говорил: *«Я не понимаю политики нашего правительства, она стоит в резком противоречии со всеми нашими традициями, нашими понятиями о чести и бесчестии! Мне просто стыдно смотреть на свет божий»*.

За время «странной войны» Англия и Франция ограничились локальными боевыми эпизодами и 18 миллионами листовок, сброшенными на территорию Польши с обращениями к немецким солдатам.

Каковы же причины политики уклонения Великобритании и Франции от своих обязательств перед Польшей? Ответ на этот вопрос породил большое количество мифов и домыслов. Но были и серьезные исследования, и глубокие оценки. В этом плане интересна работа английского историка Д. Кемхе «Несостоявшая битва», в которой он подробно анализирует политику Англии и Франции, в частности, в сентябре 1939 года.

Отвечая самому себе на вопрос о причинах бездействия западных союзников Польши, Д. Кимхе пишет: *«Нет какого-то одного действия, одного человека и какой-то одной политики, на которые можно было бы возложить ответственность за*

промах англичан и французов в деле обеспечения победы и завершения войны против Гитлера осенью 1939 года. Люди делали ошибки, и они продолжают еще делать их. Добрые намерения и высокие моральные соображения завели людей на такой путь действий, который навлек катастрофу на свои и чужие народы. И люди, находившиеся у власти в Англии и во Франции, опускались до обмана своих народов, своих коллег по кабинету министров и своего польского союзника не потому, что хотели предать Польшу, а потому, что они самым искренним образом верили, что этими средствами, сколь ни сомнительными, они смогут удержать Гитлера от развязывания войны. Однако в конечном счете они предали поляков, так как ими самими овладел страх перед возможными результатами нападения люфтваффе на города Англии и Франции. Эта вера и этот страх были обоснованы и оправдывались той информацией, какой английское и французское правительства и их советники располагали в то время».

Генерал де Голль пишет в своих мемуарах: *«Когда в сентябре 1939 года французское правительство по примеру английского кабинета решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я нисколько не сомневался, что в нем господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет. Являясь командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, я отнюдь не удивлялся полнейшему бездействию наших отмобилизованных сил, в то время как Польша в течение двух недель была разгромлена бронетанковыми дивизиями и воздушными эскадрами немцев».*

С другой стороны, представитель главного командования сухопутных войск в ставке Гитлера генерал Форман позднее отмечал, что германо-польская война была для фашистской Германии *«танцем на бочке с порохом, к которой уже был приставлен фитиль. Если бы пришли в движение силы (западных союзников Польши), имевшие громадное превосходство... то война неизбежно закончилась бы. В Польше пришлось бы прекратить боевые действия. Самое большее через неделю были бы потеряны шахты Саара и Рурская область...».*

До сентября и, особенно в последние дни августа, польское правительство, дипломаты и вооруженные силы были абсолютно убеждены, что Гитлер воздержится от нападения на Польшу ввиду английского предостережения, что это вызовет мировую войну. Уверенные в обещанной военной помощи со стороны своих союзников поляки, надо прямо сказать, проявили стойкость в борьбе с гитлеровскими полчищами в трагические для них первые дни сентября. Но по мере продвижения немцев вглубь польской территории поляков охватывала тревога. За три первых дня была практически уничтожена польская авиация. 5 сентября началась битва за Варшаву.

4 сентября был подписан франко-польский договор о взаимной помощи. Он был идентичен англо-польскому договору, подписанному 25 августа. Польский посол в Париже после этого стал настаивать на немедленном общем наступлении на Западе. Но, как выяснилось, все, что обещали англичане и французы в ходе многочисленных переговоров не воплощалось на практике. Выяснилось также, что даже не было никакого скоординированного между Англией и Францией плана действий на случай оказания помощи полякам.

В тот же день состоялось совместное совещание представителей британского и французского генеральных штабов, но оно оказалось безрезультативным. 6 сентября премьер-министр Франции Даладье признался, что что Франция не может помочь полякам ни средствами авиации, ни силами военно-морского флота. Английские королевские военно-воздушные силы также категорически отказались посылать в Польшу самолеты. Польские послы продолжали слать запросы и запрашивать о сроках военной помощи. И тогда, союзники, уже принявшие решения о невозможности такой помощи, начали откровенно врать, утверждая, что они либо уже ведут бои с немцами, либо вот-вот начнут. Премьер-министр Даладье писал в те дни: *«Я проехал по позициям, завоеванным нашей армией на германской территории, на несколько километров вглубь. Я могу отдать себе отчет в достоинствах нашего командования, которое сумело избежать ненужных наступлений... Мы не боимся, подобно нашим врагам, продолжительной войны»*. Но поляки даже в такой ситуации продолжали надеяться.

Историк Д. Кимхе пишет в своей книге: *«Это была трагедия Польши; но была еще и другая, более тяжелая трагедия. Отказавшись воспользоваться сложившейся в самом начале войны обстановкой, западные державы не только покинули в беде Польшу, но и ввергли весь мир в пять лет разрушительной войны. Ибо в сентябре 1939 года вопрос состоял не в том, поможет ли наступление союзников на Западе полякам, а в том, приведет ли оно к военному поражению Гитлера»*.

Решительность правительств союзников в первые дни немецкого наступления, объявивших войну Германии, была с тревогой и озабоченностью восприняты в Берлине. Действия, предпринимаемые Чемберленом и Муссолини и направленные на созыв конференции по типу мюнхенской, серьезно напугали Гитлера. Но, по мере того как англичане и французы день за днем теряли шансы в противостоянии германской агрессии, росла уверенность Гитлера. Как тут не вспомнить в связи с этим реплику Гитлера в конце августа в разгар обменов посланиями: *«Союзники... Союзнички! А что они значат? Абсолютно ничего! Я видел этих жалких червяков Чемберлена и Даладье в Мюнхене. Они слишком трусливы чтобы вступаться за кого-нибудь. Тем более – нападать»*.

Но, к чести поляков нужно признать, что даже практически убедившись, что на союзников больше рассчитывать не приходится, польские войска не собирались сдаваться или вести переговоры о перемирии с Германией. Польское руководство отдало приказ эвакуироваться из Польши и перебираться во Францию. Само правительство и высшие военачальники перешли границу с Румынией близи города Залешики в ночь на 18 сентября. Запомним эту дату- в ночь на 18 сентября. Все это время, то есть больше двух недель Советский Союз не вмешивался в события. Решение о пересечении границы было принято только 16 сентября.

Становится понятным, почему Советское руководство приняло решение о вводе войск в Польшу только 16 сентября. Ведь в случае совместного удара английских и французских войск в самом начале польской кампании положение на фронте могло кардинально измениться. И как бы повел себя в новой ситуации Сталин – приходится только гадать. Скорее всего, все-таки ввел бы свои войска до той же границы, как бы помогая Польше и ее союзникам разгромить Германию. Уж, во всяком случае, не протянул бы Гитлеру руку помощи. Но, как известно, в истории нет сослагательного наклонения.

Перешли границу у реки...

Молчание и невмешательство Сталина раздражало Гитлера. Подобно тому как поляки «бомбардировали» англичан и французоз, напоминая об их союзнических обязательствах, немцы слали возмущенные ноты Советскому правительству.

3 сентября министр иностранных дел Германии Риббентроп телеграфировал послу в СССР Шуленбургу: *«Мы определённо рассчитываем окончательно разгромить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы будем удерживать под военным контролем ту территорию, которая была определена в Москве как сфера германских интересов. Естественно, однако, что мы будем вынуждены по причинам военного характера продолжать боевые действия против тех польских вооружённых сил, которые будут находиться в тот момент на польской территории, принадлежащей к сфере русских интересов. Пожалуйста, немедленно обсудите это с Молотовым и выясните, не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские вооружённые силы выступили в соответствующий момент против польских вооружённых сил в районе сферы русских интересов и со своей стороны оккупировали эту территорию».*

Посол Шуленбург отправил ответ Молотова 5 сентября 1939 года: *«Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время ещё не наступило».*

Советское военное командование объявило учебные сборы в семи военных округах лишь в ночь с 6 на 7 сентября. Развертывание полевых управлений Белорусского и Киевского особых военных округов в Белорусский и Украинский фронты началось только 11 сентября. Директива о вступлении Красной армии на территорию Польши за подписью наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова была отправлена в войска 14 сентября 1939 года.

С 1 по 6 сентября германская армия, взломав польскую оборону, подошла к Варшаве и польское правительство покинуло Варшаву. Это событие подвигло Молотова через Шуленбурга на "поздравления и приветствия германскому правительству". К 10 сентября Германия захватила 40% территории Польши и все её главные экономические центры и морские порты. На запросы Шуленбурга Молотов оправдывал задержку тем, что Советское правительство не ожидало таких быстрого натиска немецких войск. Красная Армия не рассчитывала на такие темпы и поэтому оказалась в тяжелом положении. Военным нужно еще две-три недели. Другое объяснение приводит историк В. Роговин, ссылаясь на донесения Шуленбурга в Берлин о том, что советское руководство вынуждено учитывать опасения широких кругов населения того, что Советский Союз может оказаться вовлечённым в войну. Но, думаю, объяснение заключается в том, что высшее советское руководство выжидало выступления Англии и Франции в защиту Польши. И когда Сталин и Молотов убедились, что **выступления не будет**, тогда (это, конечно, мои предположения) с удовлетворением обменялись мнениями о том, как правильно они сделали, не поверив французам и британцам на переговорах в конце августа. Вот, подписали бы, а они при нападении немцев повели бы себя точно также как и сейчас, оставив Германию один на один с Советским Союзом.

Время шло и тянуть с вступлением в войну становилось все более опасным. Немцы дошли уже до линии разграничения, утвержденного договором о ненападении. На Западе Украины активизировались националисты, и Гитлер прозрачно намекал на то, что он мог бы в случае промедления вступления Красной Армии в войну содействовать появлению независимого украинского государства. Наконец пришло известие о том, что немецкие войска перешли линию Керзона, оговоренную линию разграничения. Гитлер вновь блефовал, но теперь уже он мог упрекнуть Сталина в нарушении договоренностей. И если бы Сталин продолжал отмалчиваться, нет никаких сомнений в том, что немецким войскам был бы отдан приказ занять всю Западную Украину и Западную Белоруссию. Во всяком случае, так произошло годом раньше в Чехословакии.

Вот именно в таких обстоятельствах Сталин принял решение о начале боевых действий. В три часа утра 17 сентября 1939 года заместитель наркома иностранных дел

СССР В.П. Потемкин зачитал ноту послу Польши в СССР В. Гржибовскому: *«Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».*

После того как Потемкин закончил чтение ноты, между ним и послом Гжибовским состоялся довольно жесткий обмен мнениями. Польский посол отказался «принять ноту, ибо это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». Послом было сказано много горьких слов в адрес советской стороны, которые были бы совершенно справедливыми, если бы не было тех событий последних лет и особенно конца августа, когда Польша не соглашалась на пропуск Красной Армии. В разговоре Потемкин, объясняя позицию Советского Союза: привел и такой аргумент: он сказал послу, что тот очевидно не учитывает невозможность советским вооруженным силам противостоять стремительному нападению немцев. Основываясь на отчетах своих военного атташе, Советское правительство считало, что немецкая армия неизбежно подойдет к рубежам Союза. В итоге нота была передана в посольство, пока Гжибовский находился в наркомате иностранных дел.

В 4.20 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, согласно которому *«белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины [113] и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое*

поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточное литовской границы и линии Гродно—Кобрин».

17-го сентября советские войска вступили в пределы Польши с востока в районе севернее и южнее Припятских болот. В 2.00 17 сентября германское командование было информировано о вступлении на территорию Польши Красной армии и в 7.00 приказало своим войскам «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Брест — Белосток». Польское верховное командование из Румынии отдало приказ войскам не оказывать сопротивления частям Красной Армии.

Вступление Красной Армии на территорию Польши

Так встречали солдат Красной Армии

Итак, советские войска вступили на территорию Польши только 17 сентября, то есть спустя 17 дней после гитлеровской интервенции. Такая задержка была связана не только с фактом пока еще нахождения польского правительства на территории Польши. Был еще один существенный фактор, заставлявший спешить советское руководство. Немецкое командование, вопреки договоренности о разграничении захваченной территории по линии Керзона, 14 сентября подошли к крепости Брест. Оборону крепости держали разрозненные остатки отступивших с запада частей, а также резервисты – местное ополчение. Поляки сумели продержаться трое суток и только после вступления частей Красной Армии покинули Брест. По словам польского консула в Бресте Ярослава Ксенжека командование крепости, возможно, до самого последнего момента надеялось на то, что западные державы, Англия и Франция придут на помощь Польше.

Поскольку захват немцами Бреста фактически нарушал принятые договоренности, советское командование предприняло меры по исправлению сложившегося положения. В результате принятых решений 20 сентября части 29-й танковой бригады комбрига Семена Кривошеина подошли к Бресту и начали переговоры с командующим 19-м моторизованным корпусом вермахта генералом Гудериана. Переговоры затянулись на два дня. Гудериан настаивал на

проведении совместного парада, Кривошеин настаивал на другом варианте: наверное, еврею Семену Моисеевичу Кривошеину не очень хотелось стоять рядом с фашистом.

Кончилось тем, что 22 сентября в крепости был спущен германский флаг и поднят советский. Немецкие части парадно покинули город, части Красной Армии торжественно в него вошли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор заканчивает свою работу именно 17 сентября, днем вступления СССР во Вторую мировую войну. Такова была задача – поиск ответа на вопрос: кто был ее зачинщиками? С чего все началось? Какова роль основных геополитических игроков? Их степень ответственности. На протяжении всего материала автор не высказывал своего отношения ни к отдельным персонажам, ни к правительствам. Автор исходил из своей концепции индивидуального построения картины мира. Каждый человек, если он не хочет стать объектом для манипуляций со стороны желающих это сделать, должен сам формировать картину мира и нести за нее ответственность. Вероятно, у каждого человека в конечном счете будет создана своя картина. Тут главное – быть честным перед самим собой и пользоваться надежными источниками. Это довольно трудное и затратное по времени дело. Но другого способа не существует. Тут выбор: либо картину мира человек создает сам, либо ее навязывают.

Какова же картина мира в отношении поставленного вопроса - кто начал Вторую мировую войну - сложилась у автора в результате прочтения и осмысления различных источников, зачастую противоречащих друг другу? Ответ на этот вопрос можно искать в теории игр, поскольку у всех основных геополитических игроков того времени были схожие задачи: победить, желательно с преимуществом, найти для этого союзника, нейтрализовать соперника или, по крайней мере, сохранить государство и личную власть. Есть ли здесь место морали? Совместима ли мораль и политика? Эти вопросы были поставлены и даны на них ответы еще Никколо Макиавелли в XVI веке. Я имею в виду основной принцип Макиавелли: «Цель оправдывает средства».

Но здесь нужно исходить из конкретной исторической обстановки, духа времени. Макиавелли писал по этому поводу: «...Счастлив тот, кто сообразует свой образ действий со свойствами времени, и столь же несчастлив тот, чьи действия с временем в разладе». И Сталин, и Чемберлен и другие персоналии мировой политики твердо следовали поучению Макиавелли: «Ведь о делах всех людей, и больше всего князей, над которыми нельзя потребовать суда, судят по успеху. Пусть князь заботится поэтому о победе и сохранении государства – средства всегда будут считаться достойными и каждым будут одобрены, потому что толпа идет за видимостью и успехом дела».

Когда у лидера нации возникает проблема сделать выбор между приверженностью теоретическим построениям различного рода концепций и угрозой потерей государства или личной власти, тогда резко меняются цели и ограничивается набор средств их достижения. Тогда, как говорится, «с волками жить, - по-волчьи вить».

Чемберлен и Даладье обозначили своей целью – умиротворение агрессора. И проиграли. Сталин был вынужден сменить концептуальную цель – мировую социалистическую революцию – на совершенно утилитарную конкретную – сохранить государство. И когда он убедился, что в борьбе с антиподом у него не будет союзников, тогда, в августе 1939 года – тогда уже было не до высоких идеалов. Сталин прекрасно понимал, что РККА еще не готова к большой европейской войне. Прошло всего семнадцать лет после окончания гражданской войны, когда страна лежала в развалинах. Слабость Красной Армии показала финская кампания 1940 года, и, тем более, лето 1941 года. Достаточно сказать, что Закон «О всеобщей воинской обязанности» был принят в Советском Союзе только 1 сентября 1939 года, в котором служба в армии декларировалась как почетная обязанность. Плюс невиданные репрессии (тоже, между прочим, по Макиавелли – как средство достижения абсолютной власти), породившие кадровый голод не только в армии, но и в разведке и дипломатии. И тут выпал шанс, за который схватился советский вождь – предложение Гитлера заключить договор о ненападении. Этим договором решались многие задачи, включая, в первую очередь, избегание войны на два фронта. Но был и другой шанс – выступить против фашистской Германии бок-о-бок с Англией, Францией в защиту Польши. Но ради исторической правды нужно признать, что этот шанс был упущен не по вине Советского Союза.

Конечно, для многих подписание пакта Молотова-Риббентропа является аморальным актом, особенно в отношении секретного протокола. И не только для наших современников, оценивающих те события с позиций людей XXI века. Здесь уместно вспомнить о разочаровании, которое охватило левые партии после сообщения о подписании этого договора и попыток Сталина оправдать свои действия путем практически полного отказа от антифашистской риторики, заменив ее на риторику империалистической войны, имея в виду, прежде всего, Англию и Францию.

Правда, существует и другое мнение: заключение договора – это огромный дипломатический успех Сталина и Молотова, давший СССР два года мирной жизни, что обеспечивало подготовку к войне., наличие которого всячески скрывала коммунистическая пропаганда, а сам В.М. Молотов даже не хотел вспоминать о нем.

На мой взгляд, подписание договора о ненападении с его секретным протоколом, а также последующего договора «О дружбе...» было своего рода «турецким гамбитом», то есть проиграть в «потере лица», но сохранить государство. Но причиной такого вынужденного решения в значительной мере явилось поведение ведущих европейских держав и их сателлитов, в первую очередь Польши.

Подводя итог, следует добавить то, что все будущие победители в войне с германским фашизмом имели возможности остановить Гитлера и не допустить той

страшной войны, которая забрала жизни десятков миллионов людей.. Но каждый из игроков, сознательно или бессознательно следуя принципам Макиавелли, пытался «оседлать» агрессивную политику Гитлера и использовать ее в своих интересах. Этот очевидный факт не отражен в чудовищной по своему цинизму резолюции Совета Европы «О важности европейской исторической памяти для будущего Европы», фактически обвиняющей Советский Союз наравне с Германией в развязывании Второй мировой войны. И это представители тех стран, которые тогда дали весомую прибавку гитлеровскому вермахту, - более полумиллиона солдат, сотни танков, самолетов и артиллерийских орудий вторглись на территорию СССР.

Конечно, сталинский режим был тоталитарным. **Но именно форма такая власти смогла остановить и разгромить фашистскую Германию.** Страшно даже подумать, что было бы если Советский Союз не был тоталитарным государством на тот период! Опыт первой мировой войны убедительно это доказывает. Слабая власть, раздираемая политической борьбой привела к падению империи.

Страна	Время сопротивления	Форма правления	Результат
Польша	27 дней	Демократия	Капитуляция
Франция	42 дня	Демократия	Капитуляция
Югославия	11 дней	Демократия	Капитуляция
Дания	6 часов	Демократия	Капитуляция
Норвегия	62 дня	Демократия	Капитуляция
Греция	24 дня	Демократия	Капитуляция
СССР	1418 дней	Тоталитарный режим	Победа